

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Государственная политика нациестроительства в современной России

*Материалы постоянно действующего
научного семинара*

Выпуск № 2 (40)

Москва
Научный эксперт
2011

УДК 351:332.02(060.53)

ББК 66.033.141

Г

Научный руководитель семинара:
В.И. Якунин, доктор политических наук

Соруководители семинара:
А.И. Соловьев, доктор политических наук, профессор;
С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук, профессор

Г **Государственная политика нациестроительства в современной России.** Материалы научного семинара. Вып. 2 (40). — М.: Научный эксперт, 2011. — 128 с.

ISBN 978-5-91290-

УДК 351:332.02(060.53)
ББК 66.033.141

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования, 2011

Содержание

Тема семинара

Государственная политика нациестроительства
в современной России

Доклад

С.Г. Кара-Мурза. Государственная политика
нациестроительства в современной России..... 5

Вопросы к докладчику и ответы..... 32

Выступления

В.В. Цыганов. Коллективизм как технология сборки
нации..... 46

Д.Ш. Халидов. Нациестроительство в России:
или как преодолеть тупики идеологии
национал-корпоративизма..... 49

С.С. Сулакшин. Россия находится в процессе
самоуничтожения 58

В.Э. Багдасарян. Нациестроительство как инструмент
информационных войн: сборка и разборка наций
в парадигме конструктивизма..... 62

И.С. Семененко. Национальное государство
и нациестроительство: российские проблемы
в контексте современного зарубежного опыта 65

ISBN 978-5-91290-

С.В. Володенков. Информационная политика государства как ключевой фактор влияния на формирование национальной идентичности в России.....	70
Ф.Ф. Пащенко. Решение национального вопроса — национальная идея Российского общества.....	74
В.Н. Лексин. Национальная политика многонационального государства.....	82
М.В. Виллисов. Принять на себя ответственность за свое прошлое и будущее.....	87
Д.Н. Замятин. Идеологические дискурсы и возрождение России	89
Н.Н. Клюев. Предпосылки этнического национализма	93
Ю.А. Тихомиров. Роль государства в консолидации социальных общностей.....	99
А.И. Соловьев. Полюса науки и пропаганды: в чью пользу выбор?.....	103
Заключительное слово докладчика.....	115
Тематическая программа научного семинара	123
Список постоянных участников научного семинара	125

Тема семинара

Государственная политика нациестроительства в современной России

Доклад

Государственная политика нациестроительства в современной России

С.Г. Кара-Мурза, доктор химических наук

Нации и нациестроительство

В последние четыре века нация и принадлежность к ней (национальность) были важными признаками социальной классификации. Возникновение наций повлекло формирование *национального государства*. Оно стало главной формой политической организации, самой устойчивой и многосторонней по своим функциям. Национальное государство показало исключительную эффективность в сплочении населения страны. Можно сказать, что национальное государство выработало качественно новую матрицу сборки народа, введя новое измерение для идентичности и самосознания людей — *гражданственность*. Именно потребность государства в интеграции населения положила начало идеологии национализма, которая в свою очередь создала нацию. Как отмечал Хобсбаум, «не нация создала государство, а государство породило нацию».

Нации как новый тип сообществ, в которых этничность сопряжена с гражданством (или даже преобразована в гражданство), — порождение Западной Европы в эпоху Нового времени. Характеристики этого типа сообществ позволили резко повысить эффективность государства. Поэтому и в незападных странах освоение технологии *нациестро-*

тельства стало одной из важнейших составляющих модернизации¹.

Понятие нации стало ключевым как в отношениях населения со своим государством, так и в международных отношениях между государствами. Это понятие лежит в основе и международного права, и политической практики (национальный суверенитет, право наций на самоопределение, Организация Объединенных Наций — осью является понятие нации). Понятие нации служит делу идеологического оправдания и политической легитимизации претензий на территориальное, политическое и культурное единство.

Это понятие многозначно. При его употреблении надо иметь в виду, какой смысл придается этому слову, в какой контекст оно встраивается. Это слово очень нагружено идеологически, поэтому демагоги в своих целях изменяют смысл понятия, иногда почти неуловимо.

Два главных смысла нации таковы:

- нация как гражданство, как коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии;
- нация как этничность, сообщество тех, кого связывают общие язык, история или культурная идентичность.

Ранние представления о нации были, как мы сказали бы сегодня, проникнуты *примордиализмом*. В нации видели природное явление, чей рост объясняется действием естественных законов, а государства объявляли искусственными образованиями. Сегодня представление о нациях менее романтическое, в стиле *конструктивизма*. Гражданское и этническое, конструктивистское и примордиалистское представления о нациях вырабатывались параллельно, в двух ведущих диалог парадигмах.

Б. Андерсон дает радикальное определение: «Нация — это воображаемая политическая общность... Но человек во-

¹ Примеры: проект строительства новой китайской нации в XX в., начатый Сунь Ятсеном, создание индийской нации (Махатма Ганди и Неру, сборка советского народа в проекте «национал-большевизма» (Сталин).

обще живет в воображаемом мире, его воображение создает реальность. Поэтому нация есть реальная общность. Ведь, несмотря на неравенство и противоречия внутри нее, принадлежность к нации порождает реальное «горизонтальное товарищество».

Понятно, что сделать память и культуру общими для всего населения территории, то есть создать гражданскую нацию, можно лишь в том случае, если будут ослаблены различия разных групп, составляющих это население. Таким образом, строительство нации не может быть «бесконфликтным» — «иных» надо преобразовывать в «своих». Вот формула Запада: несогласные элементы сначала должны быть сделаны различимыми, а затем подвергнуться ассимиляции или устранению. Более сложный тип, к которому относится и Россия, предполагает построение общей территории и общего культурного ядра при *сохранении* этничности разных групп населения.

Во второй половине XX в. в западной науке утверждается понимание «национализма как первичного, формирующего фактора, а нации — как его производной, продукта национального сознания, национальной воли и национального духа». Из этого следует вывод о том, что «национализм не есть пробуждение наций к самосознанию: он *изобретает* их там, где их не существует», что «нация возникает с того момента, когда группа влиятельных людей решает, что именно так должно быть».

Состояние народа России до 1917 г.

К концу XIX — началу XX вв. народы и народности Российской империи находились на разных стадиях этногенеза. В Польше и Финляндии уже было развито национальное самосознание, здесь складывались нации западного типа, стремящиеся к отделению от России. На другом краю спектра были родоплеменные этнические общности, из которых

в рамках российской государственности складывались народности.

Царское правительство отказалось от политики ассимиляции нерусских народов с ликвидацией этнического разнообразия. Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, здесь не создавался «этнический тигель», сплавляющий этносы в новую нацию, не было и апартеида, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах. Не вела активной деятельности по христианизации и православная церковь — на Кавказе и в Средней Азии она практически отказалась от проповеди. В России не было самого понятия метрополии, не было юридически господствующей нации. Окраины империи обладали большими льготами (например, по всей Сибири и на Севере не было крепостного права), неправославное население было освобождено от воинской повинности. Управление и суды приравнивались к «вековым народным обычаям».

В результате в Российской империи возникла очень сложная государственная система с множеством укладов, норм и традиций. В жизни подавляющего большинства населения господствовал общинный уклад, а по своим принципам российское общество было *традиционным*, а не гражданским. Государство было *идеократическим*, притом что многонациональное общество было и многоконфессиональным. Жесткого конструктивистского воздействия на этногенез народов России государство не оказывало.

Во внешнем мире Россия в конце XIX в. понималась именно как *нация*, носитель большой *национальной культуры*. Общероссийское сознание зрело и в массе населения. Народы России долго жили в государстве, которое обеспечило им два важнейших для их национальной консолидации условия — защиту от угрозы внешних нашествий и длительный период политической стабильности. Уже это стало источником высокого уровня *лояльности* государству и его символам.

Красноречивым признаком ее был тот факт, что татары-мусульмане, не обязанные нести воинскую повинность, сформировали воинские отряды, которые принимали участие в Крымской войне против их единоверцев-турок. Даже во время польского мятежа 1863 г. лишь несколько десятков из многих тысяч офицеров польского происхождения (а они составляли тогда до ¼ офицерского корпуса) изменили присяге.

Отказ от политики ассимиляции и веротерпимость государства способствовали укреплению и расширению межэтнических связей народов России. У них был общий *значимый иной* — русские. Для большинства полиэтнического населения Российской империи совместная жизнь в одном государстве с русскими ощущалась как историческая судьба. Даже после распада Российской империи, в ходе Гражданской войны русская Красная армия нигде не воспринималась как армия *иностранная*.

По всем признакам в России складывалась большая *полиэтническая нация*, но нация своеобразная, не соответствующая тем образцам и понятиям, которые были выработаны на Западе. Поэтому слово «нация» и не употреблялось в отношении подданных Российской империи, это слово подразумевало *национализм* и ассимиляцию народов, которую как раз и отвергала концепция национально-государственного устройства России. В формулу этой концепции входила «*народность*» — идея сохранения народов в единой семье.

Либералы не считали это соображение решающим и предлагали признать, что население Российской империи консолидируется в «обычную» нацию. Эту мысль выражал и П. Струве, и его оппонент П. Милюков (который при этом выступал против лозунга «Россия для русских», выдвигавшегося правыми).

Представления Струве наталкивались на почти общее отторжение идеи *национализма* как идеологии, необходимо

включенной в самосознание гражданской нации. Считалось, что эта западноевропейская идея противоречит идущей из православия всечеловечности русского мировоззрения. К тому же трудности включения национализма в государственную идеологию России были очевидны. Считалось, что Россия — «не нация, а целый мир», многонациональное государство с русским народом в качестве ядра. Основой государственного чувства здесь был не национализм «титупной» нации, как в государствах Запада, а державный патриотизм.

Вл. Соловьев даже считал, что национализм несовместим с идеей всечеловечности христианства и представляет угрозу для русского самосознания: «Христианская истина утверждает неизменное существование наций и прав национальности, осуждая в то же время национализм, представляющий для народа то же, что эгоизм для индивида: дурной принцип, стремящийся изолировать отдельное существо превращением различия в разделение, а разделения в антагонизм».

Еще менее, чем для *гражданского* национализма, были в тогдашней России условия для принятия национализма *этнического*. После реформы практически все крестьяне занимались отхожим промыслом или сочетали земледелие с сезонной работой в промышленности. Резко повысилась мобильность населения. Это усиливало связность основной массы населения, которая и превращалась в нацию. И в правительственных кругах, и в среде интеллигенции велись дебаты о ее характере, обсуждался опыт Европы и США, разговор неизбежно шел в понятиях *национализма*, хотя само это слово было непопулярным. Главный водораздел проходил между национализмом имперским, предполагающим сохранение полиэтнического государства, собранного вокруг ядра «большой русской нации», и идеей создания национального русского государства по типу западных. В обоих случаях под русской нацией понималось триединое образование из вели-

короссов, малороссов и белорусов. Поэтому борьба против украинского национализма имела совсем иной характер, чем отношение к другим национализмам — украинский национализм угрожал целостности самого русского народа.

Однако в условиях кризиса, вызванного распадом сословного общества и вторжением капитализма, процессы резко ускорились. Горизонтальную солидарность подданных Российской империи стали укреплять социальные угрозы и новый образ *враждебного иногo* — того привилегированного меньшинства и государственной бюрократии, которые все больше противопоставляли себя народу. В ходе этого сплочения наблюдались явления, структурно схожие с теми, которые считаются признаками становления гражданских наций на Западе, например, массовое обращение к *прессе*.

В этих новых условиях сознание подавляющего большинства русского народа формировалось именно как *гражданское*, а не сословное — складывался общий понятийный язык и общая мировоззренческая матрица. Толстой писал, что к началу XX в. произошло знаменательное и для правящих кругов неожиданное повышение нравственных запросов крестьянства. Кульминацией созревания российской нации стала, на мой взгляд, революция 1905–1907 гг. — возникло, по выражению Т. Шанина, «межклассовое единство низов». А это межклассовое единство и есть система горизонтальных связей солидарности, которая соединяет людей в гражданские нации.

В социальном, культурном, мировоззренческом отношении крестьяне и рабочие, которые представляли собой более 90% жителей России, являлись единым народом, не разделенным сословными и классовыми перегородками и враждой. Этот единый народ и был *гражданским обществом* России — ядром всего общества, составленного из свободных граждан, имеющих сходные идеалы и интересы. Оно было отлично от западного гражданского общества тем, что представляло из себя *Республику трудящихся*, в то время

как ядро западного общества представляло собой *Республику собственников*.

В ходе революции 1905–1907 гг. русские рабочие и крестьяне обрели столь сильно выраженное гражданское чувство, что стали *народом* даже в том смысле, какой придавали этому слову якобинцы, — революционным народом, спасающим Отечество. Но в этом смысле слово «народ» есть просто синоним слова «нация». Более того, это «русское гражданское общество» было очень развитым и в смысле внутренней организации. Если на Западе после рассыпания общин и превращения людей в «свободные атомы» потребовалось около двух веков для того, чтобы из этой человеческой пыли начали складываться *ассоциации* (партии, профсоюзы и т.д.), то Россия эти структуры унаследовала от истории. Такой структурой была *община*, пережившая татарское иго и феодализм, абсолютизм монархии и наступление капитализма. Соединение большинства граждан в общины сразу создавало организационную матрицу и для государственного строительства и самоуправления, и для поиска хозяйственных форм.

Однако созиданию российской нации противодействовал целый ряд процессов разрушения скрепляющих ее связей. Эти процессы преследовали разные цели, за ними стояли разные социальные силы, но объективно они сходились в главном — они вели демонтаж культурного ядра русского «имперского» народа и той своеобразной гражданской нации, которая возникала в ходе революции 1905–1907 гг.

Демонтаж «имперского» русского народа (в терминах марксизма «феодальной нации») вели практически все западнические течения — и либералы, и революционные демократы, и затем социал-демократы. В какой-то мере в этом участвовали и анархисты с их радикальным отрицанием государства. Русофобия, направленная именно на «имперское» большинство русского народа, была одинаково присуща и правым, и левым.

Левая часть образованного слоя интенсивно разрушала образ монархического государства, подрывая его роль как символа национального сознания. В целях обретения союзников в борьбе против имперского государства она со второй половины XIX в. вела кампанию по дискредитации той модели межэтнического общежития, которое сложилось в России, поддерживала сепаратистские и антироссийские движения — в Польше и в Галиции. Миф о «бесправии» украинцев использовался для экстремистских нападок на царизм, но рикошетом бил и по русским как народу.

В целом, когда в условиях пореформенного кризиса русский «имперский» народ стал «пересобираться» в гражданскую (но антибуржуазную) нацию, возник раскол между массой и элитой, которая в сфере общественного сознания была представлена интеллигенцией. Этот раскол приобрел характер разделения на два враждебных народа. Оно стало очевидным именно вследствие того, что «народ» после реформы стал обретать *национальное* самосознание, а значит, стал превращаться в политическую силу. До этого о «расщеплении» не шло речи потому, что народ просто не имел статуса субъекта истории. Так же обстояло дело и в Европе — «неассимилированные в культуру доминирующего центра крестьяне вполне в традициях колониального дискурса описывались как дикари и сравнивались с американскими индейцами».

С этих позиций отрицали саму проблему «расщепления» консервативные русские националисты. Они исходили из «предмодерной» концепции нации, считая, что в нее входит только привилегированное сословие. Влиятельный публицист Р.А. Фадеев писал в книге «Чем нам быть?»: «Сознательная сила русской нации равняется тому ее количеству, которое заключается в дворянстве». В начале XX в. русофобия распространилась в интеллектуальной элите России — влиятельной части гуманитарной и творческой интеллигенции. Это не могло не разрушать связи, соединявшие старый народ

Российской империи, но в то же время спланивало русское простонародье, ускоряло становление нового, *протосоветского* народа.

Государство в этом расколе встало на сторону привилегированных слоев — и углубило кризис этнического самосознания русских. Начался отход крестьян от государства. Церковь также стала утрачивать свой авторитет, скреплявший национальное сознание. Начиная с 1906 г. из епархий в Синод стал поступать поток донесений о массовом отходе рабочего люда от церкви. Расширился охват крестьян сектантством. В тайных псалмах духоборцев «детьми Каина» назывались «зараженные сребролюбием господ», а «детьми Авеля» — бедные люди, которые «питаются трудом».

На глазах шел распад общественной морали, которая скрепляла народ. Его резко ускорило насильственное разрушение крестьянской общины как центра жизнеустройства, в том числе как инстанции, задающей в деревне иерархию авторитетов и культурных норм. В начале XX в. этот кризис самосознания «имперского» русского народа отражен современниками во многих текстах. В 1907 г. В.И. Никольский даже писал о «существующих в настоящее время признаках безнародности и обезнародования русских». Его анализ причин нельзя считать удовлетворительным, но он верно описал многие стороны явления «денационализации» русских.

Демонтаж народа, уже обретшего национальное самосознание, есть один из наиболее болезненных вариантов гражданской войны, хотя и войны плохо различимой. Эта холодная гражданская война в начале XX в. велась и против большого русского народа, и против сложившейся вокруг него системы межэтнического общежития. Полученные при этом травмы ускорили созревание революции и предопределили ее глубину и страсть. Такая революция требовалась и для становления нарождающейся нации, и для обретения новой силы российской государственностью.

Социальное чувство угнетенных и эксплуатируемых *тружеников* приобрело в России окраску *национального* чувства угнетенного *народа*, а такое соединение всегда придает движению удивительную силу и упорство.

В начале XX в. терпение крестьян лопнуло. Они пришли к убеждению, что правительство — их враг, что разговаривать с ним можно только на языке силы. Началась русская революция, которая была продолжена в других крестьянских странах и стала мировой, но не по Марксу. Распад народа на враждующие части стал неизбежным. Но на этом фоне подспудно уже началось зарождение будущего советского народа — как прошедшего в революции *пересборку* русского народа, который затем быстро подтянул к себе и другие народы Российской империи.

В совокупности крестьянских наказов и приговоров 1905–1907 гг. выражена центральная мировоззренческая матрица русского крестьянства начала XX в., суть которой М. Вебер выразил словами *общинный крестьянский коммунизм*. На этой матрице и стал собираться будущий советский народ. В наказах было сформулировано *представление о человеке* — та антропология, которая была положена в основу принятой в СССР доктрины прав и обязанностей человека. Были определены принципы *благой жизни* — образ идеального будущего. В общих чертах был представлен и образ будущей *государственности*, основу которой должны были составить советы — привычный орган крестьянского самоуправления.

Февральская революция сокрушила одно из главных оснований российской цивилизации — ее государственность. Напротив, рабочие организации, связанные с Советами, стремились укрепить *государственные* начала в общественной жизни в самых разных их проявлениях. Они создавали модель государственности, альтернативную той, что пыталось строить Временное правительство. Особую роль сыграла российская *армия* (ее костяк составляли 5,8 млн. русских

и 2,4 млн. украинцев). Она стала небывалым для России форумом социального национального общения, не поддающегося политической цензуре. В каком-то смысле армия *породила* советский строй.

России удалось пережить катастрофу революции, собрать свои земли и народы, восстановить хозяйство и потом за 10 лет сделать рывок в экономическом и научно-техническом развитии. Это стало возможным прежде всего потому, что за 10 лет до краха была начата работа по созданию матрицы и технологии монтажа нового народа России — *советского*.

Большевики заложили организационную основу для выработки нового национального проекта России и сборки советского народа. Они провели мировоззренческий синтез представлений крестьянского общинного коммунизма с идеей модернизации и развития, но по некапиталистическому пути.

Соединение русского славянофильства и русского западничества, крестьянского коммунизма с идеей прогресса придало советскому проекту убедительную силу и привлекло в собираемый советский народ примерно половину старого культурного слоя (интеллигенции, чиновничества, военных и даже буржуазии). Так проект революции стал национальным проектом и проектом *нациестроительства*.

Механизмы сборки

В принципе, при строительстве современных наций приходится решать примерно один и тот же комплекс задач во всех сферах общественного бытия — духовной, социально-экономической, политической и экологической. При систематическом описании конкретных историй нациестроительства обнаруживается примерно сотня различных *типов связей* между людьми, которые в совокупности и соединяют население в нацию. Для создания таких связей в государстве и обществе должны действовать, обеспечиваться уходом и ресурсами механизмы («строительные машины»). О сборке

советского народа можно сказать (в стиле импрессионизма) следующее.

– Мобилизующим средством стал *исторический вызов* — Гражданская война. Белые предстали в ней как *враждебный иной*, который пытается загнать уже обретший национальное самосознание народ в прежнюю «колониальную» зависимость.

– В Гражданской войне сложился *кадровый костяк* будущего народа, та управленческая элита, которая действовала в период сталинизма. Это были командиры Красной армии нижнего и среднего звена, которые после демобилизации заполнили административные должности в госаппарате. В основном это были выходцы из малых городов и деревень Центральной России.

– Гражданская война собрала *земли (страну)*. Народ СССР обрел свою *территорию* (она была легитимирована как «политая кровью»). Эта территория была защищена *границами*. И земля, и ее границы приобрели характер общего национального символа, что отразилось и в искусстве, и в обыденном сознании. Особенно крепким чувство советского пространства было в русском ядре советского народа.

– У населения СССР возникло общее *хорологическое* пространственное чувство (взгляд на СССР «с небес»), общая ментальная карта. Территория была открыта для граждан СССР любой национальности, а границу охраняли войска, в которых служили юноши из всех народов и народностей СССР.

– Советский народ был сплочен сильным *религиозным чувством*, как и русская революция. Представление о *благой жизни* вырабатывалось людьми в состоянии *религиозного подъема*. Общинный коммунизм был в большой мере *верой*, а революционное движение — *богоискательским*.

В целом, советское общество выработало свою специфическую *центральную мировоззренческую матрицу*. На ней все народы СССР собирались в надэтническую общность.

Ей было присуще сочетание здравого смысла с *антропологическим оптимизмом*.

– Общее культурное ядро создавала *единая общеобразовательная школа*, давшая общий язык и приобщившая всех жителей СССР и к русской литературе, и к общему господствующему типу рациональности (синтезу Просвещения и космизма традиционного общества). При этом знание русского языка сочеталось с устойчивым сохранением родного языка своей национальности: в 1970 г. свой родной язык сохраняли 93,9% населения и в 1979 г. 93,1%. Сложилась билингвистическая национально-русская культура. Советская школа подключила детей и юношество всех народов СССР и прежде всего русский народ к *русской классической литературе*. Она воспитывала детей в системе норм человеческих отношений, которые были механизмом *созидания народа*, а не *разделения* людей.

– Агентом собирания стала *Советская армия*. Крупные города стали в СССР центрами интенсивных *межнациональных контактов*. Мощное объединяющее воздействие оказывали СМИ, задающие общую, а не разделяющую идеологию и тип дискурса (языка, логики, художественных средств и ценностей).

– Наконец, все этнические общности СССР были вовлечены в единое *народное хозяйство*. Оно изначально создавалось как экономическая система, которая позволила бы всем народам СССР избежать втягивания в капитализм как *«общество принудительного и безумного развития»*. Смысл этой задачи был всем понятен, и выполнение ее было ответом на общий для всех исторический вызов. Он был осознан уже в крестьянской общине. Советское предприятие, по своему «генотипу» единое для всех народов СССР, стало микрокосмом народного хозяйства в целом. По типу этого предприятия и его трудового коллектива было устроено все хозяйство СССР как единый крестьянский двор. Семей в этом дворе и стал *советский народ*.

Степень интеграции советского народа была выше, чем в Российской империи до революции. Этому способствовали модернизация общества, более высокая степень социальной однородности и межрегиональной интеграции, интенсивные миграционные процессы в ходе индустриализации, урбанизации, больших строек, с развитием транспорта и СМИ, общий пласт культуры и исторической памяти.

До сих пор трудно понять, почему «единый многонациональный народ» (советский) нельзя было считать *нацией*. Из этого упорного отказа следовало много практических установок. С.В. Чешко пишет: «С точки зрения принятых в современном мире понятийных норм следует признать не только реальное существование в СССР «советского народа», но и признать его в качестве обычной полиэтнической нации — советской нации... Благодаря своему упорному стремлению сохранить «самобытность», уберечь свои теории и профессиональный язык от внешних влияний, отечественное обществоведение попало в концептуальный тупик. Наши ученые не отваживались отрицать существование американской, бразильской или индийской наций, признавали принадлежность СССР к Организации Объединенных Наций, но даже не допускали мысли о возможности понятия «советская нация». А в период развала СССР эта несурезица активно использовалась теми, кто пытался доказать, что СССР — это «не страна и не государство», без своей нации и поэтому без права на существование».

Демонтаж советского народа и состояние Российской Федерации

Как известно, несмотря на наличие объективных факторов, способствующих сплочению жителей СССР в один народ (нацию), наличие эффективных механизмов, которые выполняли эту работу, а также наличие политической воли государства, процесс этот не был завершен. Начиная

с 60-х годов, по мере созревания мировоззренческого кризиса, началось ослабление связей народа. «Анτισоветская революция» в союзе с геополитическим противником СССР демонтировала уже казалось бы надежно собранную и воспроизводившуюся нацию.

Этот демонтаж проводился целенаправленно и с применением сильных технологий. Для разрыва связей и порчи механизмов их воспроизводства применялись средства *информационно-психологической* и *экономической* войны.

Экономическая война внешне выразилась в лишении народа его общественной собственности («приватизация» земли и промышленности), а также личных сбережений. Это привело к кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих, технического персонала и квалифицированных работников села. Резкое обеднение привело к изменению *образа жизни* (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характера жизненных планов). Это означало глубокое изменение в материальной культуре народа и разрушало его мировоззренческое ядро. Помимо мессианской цели уничтожения «империи зла» эти действия были необходимы и для решения частных прагматических задач².

Воздействие на массовое сознание в *информационно-психологической* войне имело целью непосредственное разрушение *культурного ядра* народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства — власти, армии, школе, даже Академии наук.

² Демонтаж народа диалектически связан с приватизацией общенародной собственности. По выражению А.С. Панарина, «атомизация народа, превращаемого в диффузную, лишенную скрепляющих начал массу, необходима не для того, чтобы и он приобщился к захватывающей эпопее тотального разграбления, а для того, чтобы он не оказывал сопротивления».

Результатом было нанесение народу тяжелой *культурной травмы*. Это понятие определяют как «насильственное, неожиданное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам», как разрушение *культурного времени-пространства* (*хронотопа*). М.М. Бахтин называл это «временем гибели богов».

Эта операция велась в двух планах: как ослабление и разрушение ядра советской гражданской нации, *русского народа* и как разрушение системы межэтнического общежития в СССР и Российской Федерации. Она привела к повреждению или разрушению связей, соединявших граждан и в этнические, и в социальные общности. Альтернативной матрицы для сборки народа (нации) создано не было. Никакой программы нациестроительства государство не выработало до сих пор. Российское общество впало в состояние тяжелой всеохватывающей *аномии*.

Конструктивистская доктрина демонтажа советского народа предполагала «сборку» нового народа («новых русских») на принципиально иной матрице. Этот небольшой народ должен был выполнять функции *демоса*, «которому принадлежит это государство», а не вошедшая в него часть населения оставалась в статусе *охлоса*, лишенного и власти, и собственности. Попытка создания народа из «новых русских» провалилась, но доктрина выделения небольшого демоса вовсе не ушла в историю с «проектом Ельцина». В данный момент статус демоса приписывается «среднему классу», численность которого в России оценивается в 7–12%. В целом попытка превратить какие-то «поднятые» реформой социокультурные группы в системообразующее ядро «нового» народа успехом не увенчалась.

В 1992 г. Госкомитет по национальным отношениям представил в Верховный совет РСФСР проект Концепции национальной политики, разработанный в русле «антисоветского

конструктивизма»³. Смысл ее сводился к тому, чтобы подавить этничность и перейти к модели нации, которая была выработана в Западной Европе в XVIII–XIX вв. В ситуации кризиса, когда Россия была в состоянии кипения «бунтующей этничности», этот проект представлялся не просто утопией, но и политической авантюрой, разрушительные последствия которой было нетрудно предсказать. Реализация этой концепции означала бы превращение всей России в арену тлеющих или открытых войн. Палата Национальностей этот проект отвергла, и сейчас о нем не вспоминают.

Однако теперь власть признает актуальность проблемы нациестроительства, и эта тема звучит все чаще. Действительно, само выживание России *в любой мыслимой конфигурации* зависит от того, смогут ли общество и государство создать механизмы, способные собрать нацию в новых формах, отвечающих новым условиям. Для этого и нужны нам уроки как опыта становления советского народа, так и его демонтажа.

Рассмотрим состояние вопроса и созданные реформой условия, в которых будет выполняться проект нациестроительства.

В принципе, советская система создала для РФ прочный фундамент для сборки современной гражданской нации — прочнее даже, чем у моноэтнической Польши. Е.Н. Данилова пишет: «Россия, будучи преемницей Советского Союза, идеалами гражданского проекта которого восхищались западные мыслители, в определенном смысле обладала более модернизированными по сравнению с Польшей позициями: у россиян были все предпосылки идти по пути современной общегражданской идентичности. Однако вместо того в России может наметиться тенденция замыкания в этническом или местном сообществе»⁴.

³ Председателем Комитета был директор Института этнологии и антропологии РАН академик В.А. Тишков.

⁴ Даже З. Бжезинский, обсуждая варианты развития СССР в 30-е годы, признает «изумительные достижения сталинизма» и приходит к выводу,

Однако радикализм реформы, видимо, уничтожил эти благоприятные предпосылки. Пока что можно использовать инерцию советского влияния (даже «ностальгию» по утраченным отношениям), но шансы успеть это невелики. Состояние и русского ядра, и межэтнических отношений плачевно. Согласно проведенному в 2003 г. опросу в 11 территориально-экономических районах, в качестве граждан России идентифицируют себя 62%. 11% по-прежнему считают себя гражданами СССР, а 3% — гражданами мира. Около четверти (24%) заявили о неопределенности собственной гражданской ориентации. Но главное, в отчете сказано: «Наиболее существенные отличия демонстрирует группа последователей ислама, в которой гражданами России ощущают себя лишь 39% респондентов, в то время как гражданами СССР — 19%, а гражданами мира — 8%. При этом уровень неопределенности в гражданской ориентации мусульман также самый высокий — 33%» (М.П. Мчедлов, Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко. Мировоззренческие предпочтения и национальные различия // СОЦИС, 2004, № 9). Мало оснований считать, что за последние 7 лет установки изменились принципиально.

Перечислю (очень кратко) основные препятствия для успешной сборки гражданской российской нации.

Символическая сфера

За последние 25 лет целенаправленно разрушено *предание*, на котором собирались российская и советская нация. Началом России объявлены 1990 г. и «Декларация независимости», что воспринято оскорблением исторической памяти и стерло в самосознании нерусских народов образ *общей исторической судьбы*. Попытка заменить эти символы образами демократии и рынка наивна и говорит о полной несо-

что единственной альтернативой ему мог быть только шовинистический диктаторский режим с агрессивными устремлениями.

стоятельности идеологических служб власти в деле нациестроительства.

Власть настойчиво представляет *отцами нации* «первых президентов» — Ельцина и Горбачева. Эти *символы разрушения* не приняты и никогда не будут приняты населением как соединяющие. Вот выводы повторяющихся исследований: «Во всех мировоззренческих и конфессиональных группах опрошенные склонны связывать свое тяжелое положение прежде всего с конкретными политическими деятелями, находившимися у власти в течение двух последних десятилетий, — М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным... Это вполне согласуется с результатами предыдущих социологических опросов, в которых Горбачев и Ельцин получили самые низкие оценки своей общественно-политической деятельности среди отечественных политиков XX в. у представителей всех мировоззренческих и конфессиональных групп».

Власть навязывает населению образ Запада как *дружественного инога*, разрушая основу цивилизационного самосознания русского и (еще более) нерусских народов. Так разрушается хорологический образ России в мире («взгляд с неба»).

Власть категорически отказывается дать определение *благой жизни (образ будущего)*, подменяя его обещанием комфорта, что воспринимается как издевательство.

Власть через СМИ ведет профанацию образа Великой отечественной войны и Победы, других великих и трагических событий истории России.

Наконец, власть отказывается пойти на общественный диалог и приступить к выработке общественного договора о выборе той модели межэтнического общежития, которое должно сложиться в ходе реформ. Пока образ будущего общего дома России не будет понят и принят в массовом сознании, процесс нациестроительства продолжит буксовать.

И так далее — список очень велик.

Сфера знания

Нациестроительство требует от власти и элиты не только квалификации в духовной сфере, но и некоторого минимума *знаний*. Но представления политологов власти и даже интеллектуальной верхушки «Единой России» о нациях и национализме следует считать *невежеством*, причем упорным и агрессивным. Эти представления проникнуты эссенциализмом и примитивным романтическим примордиализмом.

Невозможно строить такой сложный объект, как полиэтническая нация, если официальная идеология и ее мудрецы утверждают, что «изделие» должно возникнуть *естественным* путем. Если французы или отцы-основатели США рассуждали о собирании, сохранении и ремонте своих наций спокойно и деловито, как инженеры на технических совещаниях, то проектировщики российской нации излагают свои идеи туманными и нередко нелепыми афоризмами или заклинаниями. При этом с удивительной самонадеянностью отвергается практический опыт и царской, и советской власти.

В этой сфере — тяжелый провал (общий).

С задачами нациестроительства несовместима и принятая властной командой *идеологическая* доктрина. В основу ее положен социал-дарвинизм и антропологическая модель *индивида*, ведущего *конкуренцию*. Отвергается культура солидарности и взаимопомощи, а также государственный патернализм. Это — радикальный отход от той мировоззренческой матрицы, на которой собиралась нация и в Российской империи, и в СССР. Нет никаких шансов на то, что попытка радикальной смены системы ценностей в большой культуре России увенчается успехом. Результатом будет в лучшем случае углубление раскола и затягивание холодной гражданской войны, которая пока что рассматривается как временная аномалия переходного периода.

Социально-экономическая сфера

В этой сфере уложены главные пучки связей нации. Здесь и прокатилась машина гражданской войны перестройки и реформы, которая порвала или ослабила связи советской нации. Нынешняя власть продолжает, хотя и с замедлением, эту «работу». К ремонту и строительству пока не приступили. И даже признаков такого поворота не наблюдается. Власть лишь ситуативно ослабляет напряженность в «горячих точках».

Вот кратко выводы главных исследовательских служб самой власти в последние годы:

- 2008 г.: «Отчетливо видна тенденция замены благоприятной для нормального человека социальной среды на неблагоприятную, паразитически-эгоистическую, агрессивно-враждебную... Все эти процессы являлись прямым результатом вполне определенной экономической, социальной и идеологической политики, проводившейся в пореформенные годы».
- 2009 г.: «Лидером негативно окрашенного чувства стало чувство несправедливости происходящего вокруг, которое свидетельствует о нелегитимности для наших сограждан сложившихся в России общественных отношений».
- 2010 г.: «Люди видят и с трудом переносят усиливающуюся жестокость и хамство сильных».

Результат — всеобщая аномия, массовая преступность, деградация здоровья. Последовательно уничтожаются возможности «горизонтального товарищества», которое и есть основа нации. Углубляется кризис легитимности государства — главного агента нациестроительства. Продолжается деградация и распад больших социальных общностей, из которых складывается «тело» нации.

Информационная инфраструктура нации

Известна формула: «нация — это каждодневный плебисцит». Для его ведения требуется определенная культурная, техническая и организационная база. Та, что была создана раньше, не освоена и осторожно модифицирована, а разрушена. Грубо нарушены все нормы культуры диалога. «Хамство сильных» предъявлено *демонстративно*. Элита и ее СМИ используют риторику социального расизма и *не замечают* этого! Небывалая по своим масштабам и структуре масса *отверженных* не удостоивается даже слова сострадания от государства. Какой уж тут плебисцит!

Сказано: «нацию создал печатный станок». В советское время народ достраивался до гражданской нации с помощью связующей силы русской литературы, учебников, прессы. Чтобы демонтировать народ, в самом начале 90-х годов сразу был разрушен «печатный станок» (как общественный институт) — пресса, условия литературно-издательской деятельности, система распространения.

Прежде всего реформа ликвидировала «скелетную» систему национальной системы коммуникаций — центральные газеты, позволяющие одновременно на всей территории страны давать людям пакет важной для всех информации («национальную повестку дня»)⁵. Главные газеты превратились в торговцев, конкурирующих на рынке. Кроме того, был сразу резко сокращен доступ основной массы населения к газете — разовый тираж газет на душу населения сократился в России в 7 раз. Если учесть резкое расширение «желтой» прессы, то можно считать, что в России общность тех, кто имеет доступ к газетам «ядерной зоны», сократилась в 15–20 раз. Но главное, газеты якобы подчиняясь диктату рынка, стали нагнетать информацию, углубляющую все трещины и расколы, возникшие в обществе.

⁵ Телевидение эту функцию выполнять не может, печатный текст и экран принципиально различны как носители информации. К тому же идеологизированное телевидение реформ стало буквально «врагом народа».

Спецоперации, подрывающие систему нациестроительства

Сказано: «национализм создает нацию, а не нация национализм». В выборе между этническим национализмом (разделяющим нацию) и гражданским национализмом (собирающим нацию) ситуация в России пришла к состоянию неустойчивого равновесия. Судьба России зависит от выявления, собирания и организации всех ресурсов, которые могут направлять ход событий в тот или иной коридор. Каковы перспективы сдвига этого равновесия в сторону гражданского национализма? В данный момент плохие.

Надежный прогноз в момент неустойчивого равновесия дать в принципе невозможно — любая провокация может привести к срыву в этнонационализм, в то время как гражданский национализм надо строить кропотливо, эмоциональные всплески его не укрепляют. Учитывая, какие интеллектуальные и творческие силы мобилизованы сегодня для срыва восстановительного процесса в России, осуществление таких провокаций надо считать неизбежным.

Судя по результатам многих исследований, проведенных в разных ракурсах, в массовом сознании первый план устойчиво занимают *общегражданские*, социальные проблемы. Люди в массе своей мыслят достаточно рационально, и им не требуется для размышлений об этих проблемах прибегать к понятиям этнонационализма — трактовка социальных проблем *может* вестись на языке гражданского национализма. Однако власть, фактически поддерживая агрессивную антисоветскую пропаганду СМИ, подавляет российский гражданский национализм, сдвигая равновесие в сторону этнонационализма. В этом она действует заодно с «оранжевыми» силами, ведущими демонтаж российской нации.

В последние годы появились признаки того, что в России ведется кампания, цель которой — подавить структуры гражданского русского национализма и столкнуть равнове-

сие в сторону этнонационализма. Власть скорее способствует этой кампании, чем противодействует.

Надежду внушает устойчивость культуры русских и народов России, унаследованной от предыдущей истории. Этот ресурс дает резерв времени, чтобы общество и государство устранили изъяны в системе знания и понимания проблем нациестроительства, определились с выбором образа будущего и начали серьезный диалог на разных уровнях. Хватит ли этого резерва времени, зависит от ума, совести и воли уцелевших структур общества и государства.

В дискуссии выступили:

Фото

Фото

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (И.Ю. Колесник):

Считаете ли Вы, что политика нациестроительства должна быть обязательной функцией государственных органов? Второй вопрос: в сложившихся социально-политических условиях программа или доктрина нациестроительства, которая по своему объему должна быть больше, чем стратегия развития до 2030 г., включая все здравоохранение, идеологию и т.д., реализуема?

Ответ:

По первому вопросу — конечно, это функция государства. Есть такая формула: государство создает нацию, а не наоборот. Государство именно собирает, это функция государства. Второй вопрос — история полна таких успешных проектов нациестроительства, и у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что это возможно. Более того, любое строительство является частью проекта нациестроительства. Восстановление хозяйства — это и есть восстановление народа. Как только люди сами осознают себя воображаемой общностью, у них сразу появляются взаимные обязательства, они их выполняют, и улучшается их хозяйство.

Вопрос (С.С. Сулакишин):

Ведется ли сейчас в РФ кем-либо нациестроительство? Если да, то каким образом? И наоборот — ведется ли сейчас в РФ или извне кем-либо нациедеструктурирование? Если да, каким образом?

Ответ:

Я говорил, что и тот и другой процессы идут. Сейчас, на мой взгляд, они находятся в состоянии динамического равновесия, то есть нация разрушается и нация создается. Кто

Вопросы к докладчику и ответы

ведет? Превалирует разрушительная часть, которая ведется нашими СМИ. Даже ведется мониторинг СМИ с той точки зрения, какую роль они выполняют в соединении людей в народ и в их разъединении.

Вопрос (А.И. Соловьев):

Вот, к примеру, Первый канал...

Ответ:

Изучались 10 главных газет, которые наиболее активны. Самой вредной в этом плане газетой была «Московская правда». Это данные примерно 2005–2006 гг. Я не говорю, что у СМИ существует такой замысел, но по ряду причин их настроенность на «рынок», на сенсацию, на интерес, на рейтинг заставляет их очень сложные моменты подавать грубо, а их надо очень аккуратно обрабатывать. Я считаю, государство, власть пока что держат это равновесие. По ситуации власть приглушает «бунтующую этничность», и это необходимо. Но доктрину строительства они пока не предложили. Кто постоянно ведет это восстановление и строительство? Это низовые силы — население и госаппарат низшего и среднего звена, но не в лице своих высших органов.

А.И. Соловьев:

А националистические, радикальные газеты?

Ответ:

Национализм создает нацию, а не нация национализм. Поэтому невозможно создать нацию, если вообще понятие национализма стало равноценным экстремизму и фашизму. Это представление национализма стало сейчас одним из самых сильных инструментов разрушения зародышей нации, которые возникают благодаря усилиями народных масс. Вообще есть два разных и даже противоположно направленных национализма — это этнический национализм, который

разрывает большие народы и нации, тяготеет к племенному сознанию, и гражданский национализм, который собирает нацию, ориентирует людей на сотрудничество этносов. Ни российской нации, ни советского народа не было бы, если бы не в России и в СССР не было гражданского национализма. Хочу заметить, что проводившийся мониторинг прессы и беседы с редакторами выявили, что последние не понимают, чем различаются альтернативные типы национализма и как их трактовка действует на процесс. Необходим ликбез для журналистов по этим вопросам.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

Сергей Георгиевич, можете ли Вы реконструировать некое программное содержание тезисов, которое озвучил Президент России в своем послании Федеральному собранию? Это в контексте Вашего доклада. А тезис был такой: вместо старой архаичной России мы создадим новую молодую нацию. Что это вообще значит?

Ответ:

Я считаю, что сам президент еще не выучил этого предмета, а главное, его не выучили ближайшие помощники, писавшие ему тезисы. Этот тезис убийственен для нациестроительства. Любая нация должна иметь свое предание, и, как правило, даже фальсифицирование истории происходит для «удревнения» своих корней. Например, и сегодня французские дети растут и воспитываются на подвигах полумифического Верцингеторига, вождя восстания галлов против Рима в 52 г. до н.э. Мы знаем, что Россия имеет длительную историю, и Россия выросла на культурных корнях очень большой продолжительности. В этом тезисе даже этого среза не было замечено. Президент хотел сказать, что у нас модернизация, обновление, но на фоне истории нации это все-таки эпизод.

Вопрос (Н.Н. Клюев):

Вы пишете о том, что попытка создать «новорусский» этнос не удалась, провалилась. Что Вы вкладываете в это понятие? Почему провалилась? Дальше у Вас такая аргументация, что вроде не так уж она и провалилась...

Ответ:

Речь шла о строительстве нации, которая может быть хозяйном страны, может *держат* ее. Проект создания демоса под названием «новые русские» тоже имел такую целевую направленность, претендовал на это. Но по разным причинам процесс покатился по совершенно другому пути. «Новые русские» оказались людьми с коротким временным интервалом притязаний и проектов. Они стали *временщиками*. И поворота к тому, чтобы стать созидателями, пока что не видно. В последнее время внимание перенесли с этого слоя, с «новых русских», на «средний класс». Осенью 2008 г. Сурков говорил, что основа страны, ее каркас — это средний класс. Но средний класс пока тоже не проявил свойств того культурно-исторического типа, который может ответить на стоящие перед Россией вызовы. Нет у него ни протестантской этики пуритан, которые строили буржуазное общество, ни православной этики русских XVII–XIX вв., ни советской этики XX в.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

Какую роль Вы бы ответили следующему фактору — разрушительному влиянию других государств на Россию в ближайшем прошлом и настоящем?

Ответ:

Я считаю, что эта роль отрицательная. Если говорить о том, какой вес имеет этот фактор, то это был необходимый компонент, чтобы свалить махину СССР. Без холодной войны антисоветские силы внутри общества не справились бы с этой задачей, но и геополитические противники СССР

в холодной войне тоже не справились бы с ней, не имея союзников внутри общества. Я уж не говорю, что главным агентом укрепления и подрыва легитимности государства в современном мире является интеллигенция, но она впала в недоброжелательное инакомыслие.

Вопрос (М.В. Вилисов):

Вы говорили, что сборка может производиться вокруг каких-то важных знаковых фигур. Соответственно, при описании предыдущих опытов говорилось, что был сформирован тип человека, созидателя, который собрал нацию. Можно ли попытаться описать в современных условиях образ такого человека? И второй вопрос: во всех предыдущих случаях сборка происходила вокруг русского народа, нации был присущ русоцентризм. Считаете ли Вы, что сейчас у него есть такой же потенциал для осуществления такой сборки? Либо какие-то иные общности, в том числе этнические, могут выступить ядром для такой сборки?

Ответ:

Я считаю, что портрет этого культурно-исторического типа можно сейчас нарисовать. Он в себя очень многое вберет из того русского ядра, что было создано в XIX в., и, собственно, советский народ был развитием того, что привнесло в русскую культуру соединение общинного коммунизма с идеалами Просвещения. Это начало XX в., русская революция, научная, промышленная, военная модернизация и т.д. Все это необходимо и сейчас, но должно быть дополнено важными свойствами мировоззренческого и духовного порядка. Мы можем сейчас представить себе, какие слабости советского культурно-исторического типа привели к тому, что он сошел с арены, уступил место другим силам. Эти слабости, конечно, нельзя переносить в будущее.

Нынешние студенты, на мой взгляд, эти слабости изжили (хотя приобрели другие, но это особая тема). У них жесткое

мышление, которого не было у советского человека. Конечно, в чем-то важном они проигрывают, но эта способность к холодной, жесткой оценке всех факторов внешней среды и себя самих необходима для того, чтобы нам выжить как нации.

Теперь об этносах. Конечно, в нынешнем состоянии русские не обладают многими качествами, необходимыми для того, чтобы собрать вокруг себя и повести за собой множество народов. Тем не менее, все эти народы ждут восстановления этих качеств в русском народе, и не только народы России, но и народы вне бывшего Советского Союза. Так, арабские народы ждут, когда же мы встанем с больничной койки. Китайцы тоже этого ждут. Я считаю, что если бы государство отрешилось от многих обуз, которые оно навесило на себя в 90-е гг. и которые госаппарату совершенно не нужны, и сделало бы рывок, то оно быстро нашло бы общий язык с населением и все быстро наладилось бы. Я бы сказал, что нерусские народы даже больше ждут этого, чем русские, поскольку у них иллюзии благополучия и они ждут восстановления сил русского народа и дееспособности страны как большой системы. Таджики на стройке сообщали по секрету: «У нас старики говорят, что через 7 лет Советский Союз восстановится». Да откуда старики знают? Это надежды и мечты.

Вопрос (В.В. Цыганков):

Сергей Георгиевич, для осуществления такой социально-политической эволюции (имеется в виду сборка нации) нужна идея. Какая должна быть национальная идея?

Ответ:

Об этой идее думают не только в России, а может, даже больше, чем в России. Вот, еще в 1989 г. в Испании мне один старый консерватор, правый, масон и пр., сказал: «Если СССР рухнет, Запад оскотинится». А в 1992 г. мне другой, тоже из таких, телевизионный магнат в Стране басков, сказал, что Советский Союз рухнул, и Запад оскотинивается. Многие

чувствуют, что будущее человечества зависит от того, найдется ли сила, которая морально остановит это оскотинивание, которое очень быстро началось, как лесной пожар, после краха СССР. Да и крах СССР был в какой-то степени следствием оскотинивания нас самих. Остановить это совершенно необходимо.

У нас было два случая, когда почти все население было едино — когда бомбили Югославию, и когда было вторжение в Ирак в 2003 г. Это уже и было выражением идеи. Как будто русские должны были свое слово сказать, а еще лучше накопить силы, чтобы это слово подкрепить более жестким авторитетом. В 2005 г. по всей России был проведен большой опрос на тему «Кто такие русский народ?». Первый ответ был: «Это народ-освободитель» (78% опрошенных). А другой ответ был: «Это — защитник народов» (64%).

Вот это и есть важная грань национальной идеи. Мы как-то должны помочь победе добра на свете. Но в этом деле нет какой-то одной идеи, под ней еще целое «дерево целей». В разных выражениях говорится: «Нам надо самим встать на ноги и собрать те народы, за которые Россия отвечала».

В.В. Цыганков:

Второй вопрос касается субъекта идеи — кто будет ее выдвигать? Элита наша разделена, может быть, действительно экстремальное внешнее воздействие, усиление угрозы, сплочение элиты приведет к тому, что нация соберется? Из того, что Вы говорите, следует, что чем хуже, тем лучше в этом смысле.

Ответ:

Я думаю, что к объединяющей идее можно прийти и не под воздействием смертельного стресса. Процесс идет, и это видно. Представления о мире и об обществе у нас были очень инфантильные, советское образование нас обезоруживало своими прекрасными утопиями. Постсоветское образование

вообще оказалось без опоры и какого-то связного представления о мире не дает, люди сами его кустарно вырабатывают. На мой взгляд, этот процесс идет в том направлении, чтобы побудить людей взять на себя ответственность за восстановление нации и страны. Если бы государство этому помогало, дело бы пошло быстро. У нас нет сейчас другого авторитета — церковь заменить государство в этом не может, у нее другая функция. Этого ждут от государства. Почему на Путина такие надежды возлагают? Человек ищет правителя, который взял бы на себя ношу руководителя.

Вопрос (Ю.А. Тихомиров):

Пафос Вашего доклада в том, чтобы создать общность за счет интеллектуальной, эмоциональной самоинтеграции. Как юрист, я заметил бы очень тяжелую тенденцию мирового развития. В рамках Римского клуба за последние полстолетия активно развивается концепция угасания государства-нации, сокращения национального суверенитета — все сдвигается на межтерриториальный, на межгосударственный суперинтеграционный уровень. Нет нации, нет общества. Любопытно, что конституции Азии и Латинской Америки делают акцент на большие нации, а конституции европейских стран делают акцент на народ. Это одна сторона. Но ведь и наша страна, и ее руководители мечутся между двумя курсами — мы создаем национальную самоидентификацию, но и создаются мощные суперструктуры, и мы активно входим в международные правовые объединения. Я в Институте законодательства с этим плотно работаю, потому что мы сидим с этими документами. Как, Вы полагаете, можно разрешить это противоречие? При чем страна активно входит в эти объединения, мы комплиментарно относимся ко всем ним: Таможенный союз — хорошо, ООН — хорошо и т.д. и т.п. А человек теряет привязанность к общности, он попадает в сети новой теории, подхваченной у нас в стране, то есть мы в сетях. Вот и президент радостно говорит, что

у нас великолепные сети — компьютерные и др. Как эти тенденции связаны с тем, о чем Вы говорите?

Ответ:

Это — аспект глобализации, большая идеологическая программа, которая разоружает народы, нации и культуры. Люди, особенно молодежь, наблюдая этот процесс, убеждаются, что глобализация сужает их пространство для жизни, обирает большинство человечества в пользу «глобальной элиты». И возникает идеология и движение антиглобалистов — идет поворот к укреплению национальных государств и «своих» наций. В этом уже видят мессианский смысл. Два этих противоположно направленных процесса углубляют противоречия в нынешнем мироустройстве.

Это наблюдается и в отдельных странах. В США, например, тоже идет эрозия национального государства, но они держатся, поскольку у них есть костяк — буржуазия. Для нее идеология — это только инструмент, сама она не верит в мифы, запускаемые «для нас». Буржуазия держит государство и заставляет его работать как систему, как целое.

Можем ли мы при нынешнем состоянии государства противодействовать его дальнейшему демонтажу? В принципе, да. Даже побежденная страна может вести низовой, катакомбный плебисцит, как христиане в Риме. Те в очень неблагоприятных условиях 300 лет просуществовали, не распались как общность и вышли победителями. Цивилизация продолжила свое развитие уже как христианская.

В России какое-то время такой период катакомбного воспроизводства нашей культуры неизбежен, потому что даже самое патриотичное и благожелательное государство в нынешних условиях не может пойти на конфронтацию с Западом. В лучшем случае оно может подавать людям знаки, как вести себя в нашем, грубо говоря, партизанском крае. Пока что оно и на это не решается, но, в принципе, это возможно.

Вот недавний исторический опыт. В Испании в гражданской войне победил Франко с помощью европейского фашизма, но побежденные республиканцы довольно быстро смогли собраться, и в Испании негласно сложились две несмешивающиеся системы жизни — республиканцы не шли в магазин или ресторан, которым владел франкист. Он предпочитали терпеть неудобства, но поддерживать «своих». Вся Испания была покрыта невидимой сетью катакомбных отношений.

Современные сети, уже с интернетом, дают новые возможности. Спасибо президенту, что он гонит людей осваивать эти технологии. Старыми способами наши проблемы не решить, хотя можно помечтать, как проскачет по Москве Чапаев с шашкой.

В общем, мне кажется, рано ставить крест на национальном государстве. Да и динамика этой конструкции различна у разных стран. Представьте, что было бы сейчас с Китаем, если бы он отказался от идеи национального государства. Он бы снова рассыпался «как куча песка» (Сунь Ятсен). А Россия — это даже не страна, а цивилизация. Она может возрождаться при разнообразии национальных государств.

Вопрос (С.В. Володенков):

У Вас в докладе написано, что ключевым инструментом коммуникации для конструирования и поддержания нации были центральные газеты. На Ваш взгляд, могут ли современные СМИ заменить «организатора и агитатора», как говорил Владимир Ильич, для организации и конструирования нации? Я неслучайно это спросил, поскольку сейчас в интернете проводится голосование по самоидентификации интернет-пользователей в качестве граждан России.

Второй вопрос: говорят о создании России как нового государства модернизированного типа. А на днях вышел указ о праздновании в 2012 г. 1150-летия основания российской государственности. Не могли бы Вы прокомментировать это противоречие?

Ответ:

Чего-чего, а противоречий у нас очень много. Мне кажется, это говорит о том, что нет осознанного плана стереть Россию с лица Земли – ни у нас, ни на Западе.

Можно ли заменить центральные газеты интернетом? Вообще, в информационной системе не бывает так, что одна технология сменяет, вытесняет другую — система «наращивается», увеличивает разнообразие. Печатный текст не может быть заменен текстом, читаемым с экрана. Разные у них механизмы восприятия. Это особая проблема. Центральная газета имеет и передает особые сигналы. Интернет, конечно, позволит продержаться тот период, пока у нас не будет центральной прессы или других важных каналов. Но это если удастся собрать зародыши сетей, возникающие случайным образом, но разрушаемые целенаправленно. Если бы государство помогло, они бы собрались быстрее, потому что пока интернет-сети национального масштаба не возникает. Но этот процесс идет. Время у нас есть, но немного.

Вопрос (Ф.Ф. Пащенко):

В Вашем докладе отмечены две крайние точки нациестроительства. Одна точка — это создание нации вокруг какого-то стержня — национальной идеи, например. А вторая точка — восстановление империи типа Советского Союза в новых формах. Как Вы считаете, какое из этих направлений обладает большими преимуществами в сложившихся условиях?

Ответ:

Россию, вернее, Евразию, «переварить» невозможно. Первый удар, который мы выдержали за 20 лет, не достиг цели — главные устои повреждены, но выдержали. Осколки этого «монстра» — России — обладают большим потенциалом интеграции, они все время тяготеют к тому, чтобы вновь срачиваться. Относительно успешно переживают разруху

азиатские государства, где еще осталось патерналистское государство. Они демонстрируют другое поведение, чем, скажем, Армения, Грузия, Молдавия, Украина и даже Россия. А между этими двумя полюсами колеблется Белоруссия.

Я, говоря о национальном государстве, не имел в виду государство моноэтническое (мононациональное). Российская империя превращалась в национальное государство, не переставая быть империей. Имеется в виду, что в ней формировалась *гражданская нация*, причем полиэтническая. Например, у нас гораздо лучше знали русский язык, чем английский в Америке или французский во Франции в конце XIX в. Через русскую школу и Советскую армию прошли огромные массы. Так, в Евразии возник суперэтнос — наднациональная общность. То же самое касается и русской литературы. Через нее все народы и этносы России вышли в мировую культуру. Нет смысла отказываться от этой системы, которую строили 3 века.

Ф.Ф. Пащенко:

Как Вы оцениваете роль сегодняшних региональных элит в вопросе нациестроительства?

Ответ:

Здесь много противоречий. С одной стороны, региональные элиты сейчас выполняют функцию «окукливания» для укрепления этнической солидарности даже ценой регресса в каких-то аспектах. Это как в бомбоубежище: аномальные условия бытия, чтобы пережить аномальные условия внешней среды. Конечно, развития в бомбоубежище быть не может. Так и этносам регионов России — пересидят, а потом им надо будет вылезти из щели и снова интегрироваться в нацию.

Вопрос (А.И. Соловьев):

Разделяете ли Вы понятия «Родина» и «Отечество»?

Ответ:

Конечно. Родина — это мать. Отечество — суровый отец. Родина-мать меня кормит и лелеет, а отечество гонит на войну, на подъем целины и т.п.

А.И. Соловьев:

Как я понял, единственной технологией, которую Вы предлагаете для оптимизации нациестроительства, является выработка доктрины, которая должна активно использоваться в процессе построения нации. Еще какие-то современные механизмы с учетом глобальных и иных тенденций имеются? То есть все, что спереди, то сзади? Механизмы, которые надо сегодня использовать, уже все были апробированы? И это несмотря на то, что тогда не было ни глобализации, ни массовой эмиграции/иммиграции.

Ответ:

Доктрина — это план. Это, конечно, не технология. Существует множество механизмов, которые надо восстановить. Глобализация — это вызов. Именно глобализация может стать той угрозой, которая заставит людей спланиваться, как это и происходит во всем мире. Но человек, в отличие от муравья, сначала вырабатывает доктрину.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

У меня маленький вопрос, который оставался за скобками, но, думаю, он уместен. Декабрьские события на Манежной площади — это национальное возрождение, его симптом? Это национальная деструкция?

Ответ:

Способность собраться и что-то потребовать, даже невнятно, — это признак оживления организма, возможно, это признак оживления чего-то, что может стать ресурсом сборки нации. Но этот же всплеск солидарности может толкнуть

и в коридор этнического национализма. Тогда это будет инструментом растаскивания нации. Есть много признаков активизации сил, заинтересованных в том, чтобы это оживление загнало нас в коридор этнического национализма. На это работают и многие СМИ. Этому в основном противодействует и госаппарат, и население. Пока что поддерживается динамическое равновесие. Манежная площадь — это же мягкий случай. А Кондапога? Государство, конечно, должно контролировать и регулировать и миграцию, и анклавные рынки труда мигрантов. Напротив, преступные структуры заинтересованы в дестабилизации и хаосе. Государство, не заинтересованное в этом, как-то гасит эксцессы и конфликты, иногда усугубляя проблему, но отодвигая ее в будущее. Таковы возможности этого государства, а другого у нас нет.

А что было на Манежной площади — локальный выброс энергии или пробный шар какой-то программы — пока трудно сказать. Скорее, локальные конфликты на этой стадии используются теми, кто готов использовать ситуацию конфликта. Я считаю, что подобная дестабилизация государства не в интересах нациестроительства.

Выступления

Коллективизм как технология сборки нации

В.В. Цыганов, доктор технических наук

Вопрос, который возникал неоднократно, — какова перспективная технология сборки нации? Принципиальный ответ на этот вопрос призвана дать теория и практика управления эволюцией больших социально-экономических систем. К настоящему времени в ее рамках получены фундаментальные результаты, связанные с потребностью человека в сильных эмоциях. Обычно такие эмоции связаны с переходом из текущего состояния в другое, связанное с достижением высокой цели. Чем больше разрыв между действительным (обыденностью, нормой) и желаемым (целью), тем более сильные эмоции вызывает такое достижение.

Человек, нуждающийся в сильных положительных эмоциях, может, во-первых, действовать самостоятельно, последовательно, шаг за шагом поднимаясь к намеченной цели. Естественно предположить, что чем больше разрыв между нормой и желаемым состоянием, тем больше таких шагов потребуется.

Но из психологии известен эффект когнитивного диссонанса — разрыва между фактическим состоянием и психическими нормами. Для того чтобы не травмировать психику, не мешать человеку жить дальше, эти нормы быстро подстраиваются, адаптируются под фактическое состояние человека. Это свойство психики человека — следствие его способности к адаптации.

Следовательно, за небольшим скачком состояния после очередного шага к высокой цели, приводящего к слабым положительным эмоциям (таким как чувство удовлетворения), немедленно следует прирост психических норм, нивелирую-

щий разницу между ними и состоянием в следующем периоде. Получается, что небольшие скачки состояния сопровождаются такими же скачками норм. Как будто человек поднимается по ступенькам к желанной цели. И в конце концов, когда на последнем этапе желанная цель достигнута, вместо сильных эмоций человек ощущает всего лишь обычное чувство удовлетворения. Ведь его психика уже считает нормой предыдущее состояние — последнюю ступеньку. Поэтому разрыв между желанным состоянием и предыдущей нормой не велик, и преодоление последней ступеньки не вызывает сильных эмоций. По сути, человек размеренно, каждый день получает слабые эмоции, как бы разменивая на них сильное чувство. Поэтому получить сильные эмоции самому, за счет своей же сознательной деятельности не получается.

Вторая возможность получения сильных положительных эмоций связана с надеждой на случай, который вознесет человека. Можно, например, играть в лотерею... Однако случай слеп, и постоянные неудачи могут привести к депрессии (не говоря уже о фатализме, игрозависимости и т.п.). Можно в поисках сильных эмоций рисковать здоровьем и жизнью. Однако часто это кончается трагически...

Остается третья возможность — получение сильных положительных эмоций вследствие действий других людей: истинная дружба и любовь. Такова объективная природа человека, определяемая его способностью к адаптации.

Способность к дружбе и любви, коллективизму — фундаментальное свойство нашего народа. Традиционно при сильной угрозе существованию России народ спланивался. Взаимопомощь, дружба, товарищество, любовь в конце концов усиливали нацию и давали мощные результаты. В этом смысле у нас есть большой опыт коллективизма, который может использоваться при сборке российской нации.

Более того, способность к коллективизму может быть нашим стратегическим преимуществом. Есть оценки, что к 2020 г. основной причиной смертности будут не сердечно-

сосудистые и онкологические заболевания, как сегодня, а депрессия. А сильные положительные эмоции гарантируют выход из депрессии. Между тем, депрессия — колоссальная проблема Запада. Дело в том, что мир капитализма построен на атомизации, разделении людей по принципу свободной конкуренции: человек человеку волк. Но разделенные люди не могут доставить друг другу сильных положительных эмоций, связанных с истинной дружбой и любовью.

А если нет любви, то нет крепкой семьи, детей. Вот и белая раса уже не воспроизводится. Например, численность коренного населения Европы уменьшается. Последнее свидетельство — полуторамиллионные тиражи нашумевшей книги Тило Сарацина «Германия: самоликвидация».

Поэтому можно сказать, что атомизация, являющаяся следствием глобализации на западный манер, несет с собой массовую депрессию. Это мы видим и в США, и в Европе. А теперь Запад хочет экспортировать ее нам. А наш ответ должен быть примерно такой: атомизация противоречит природе человека, не позволяет получать сильные эмоции, дружить и любить. Распространение коллективизма можно противопоставить давлению либеральной глобализации на Россию, достойным ответом Западу.

На мой взгляд, необходима идеологическая работа, пропаганда отношений коллективизма, построенных на дружбе и любви. А если будет любовь, то будет крепкая семья, дети, решение демографической проблемы.

У нас есть колоссальный опыт коллективизма, сплочения нации. Вспомните слова политрука Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!». Вспомните лозунг развитого социализма: «Человек человеку — друг, товарищ и брат!». И это наше давнее стратегическое преимущество. В этом смысле новое в технологии сборки нации — это хорошо забытое старое. Коллективизм объективно необходим, он вытекает из природы человека и может быть основой сборки российской нации, противостояния депрессии и глобализации.

Нациестроительство в России: или как преодолеть тупики идеологии национал-корпоративизма

Д.Ш. Халидов, доктор политических наук

Политику нациестроительства в современной России можно определить в терминах идеологии «национал-корпоративизма», хотя об этом открыто никто и не заявляет. Первый термин в этой идеологии означает «чисто» этническое содержание национальной политики, реализуемое скорее в виртуальной сфере, дабы успокоить общественное мнение. Такой «национализм» в исполнении части правящей элиты не затрагивает коренных интересов русского и других народов страны, не поднимает вопросы культурно-цивилизационного строительства и сохранения идентичности.

Термин «корпоративизм» обозначает тот факт, что государства — это всего лишь «инструмент» крупных корпораций, большей частью аффилированных с ТНК Запада. Поскольку, по факту, реализуется установка на освоение, а не на развитие территории России, то, соответственно, управлять и бесконтрольно хозяйничать на её территории можно только через провоцирование конфликтов. А конфликты очень легко провоцируются на этнокультурной основе. Соответственно, социальная энергия и протест канализируются во вполне определенное русло — антимигрантское и антикавказское, и через такие механизмы формируется суррогат нации. Нет высоких смыслов и больших проектов и задач — консолидирующих, возрождающих и вдохновляющих.

Когда премьер-министр встречается с болельщиками «Спартака», это должно послужить для нас очень важным сигналом идеологического бесплодия и тупика, в которое загнала себя правящая элита. А дело в том, что спонсоры и менеджмент «Спартака», судя по множеству косвенных фактов,

целенаправленно формируют расистские установки у фанатов. И эта «армия» болельщиков вполне может быть использована в час «X» как альтернатива ультралибералам. Но разве адекватен такой национализм судьбе и миссии России? Это очень ограниченный и деструктивный национализм для России.

Особенность ли это только России или же явление характерно и для других государств? Попробуем разобраться, ибо без рассмотрения глобальных тенденций нам трудно будет расшифровать тайну национальной политики в родной стране. А они, эти тенденции, в целом определяются Западом и влиянием мондиалистского проекта (проекта мирового государства и соответствующего правительства). Вот эти тенденции.

1. *В политическом плане* — постепенный демонтаж наций-государств и их регионализация, передача части функций государств в наднациональные структуры.
2. *В социокультурном плане* — этнографизация национальных культур, с одной стороны, и их коммерциализация и унификация — с другой.
3. *В этнополитическом плане* — перевод социального конфликта в культурно-цивилизационный посредством определенной иммиграционной и информационной политики.
4. *В цивилизационном плане* — американизация (голлификация) национальных культур, формирование общей космополитической культуры и новых универсальных разрушительных и разлагающих культов и ценностей.
5. *В геополитическом плане* — блокирование создания эффективных региональных союзов, по типу ЕС и НАФТА (в Северной Америке). Поскольку весь мир — это объект геополитики Запада, то, соответственно, ни один из региональных блоков государств не должен (или не имеет права) ставить перед собой амбициозные задачи по формированию нового геополитического центра.

Но что интересного и поучительного может вынести для себя Россия из опыта Европы и ряда других государств Азии и Америки в плане решения этнонациональных проблем? — То, что в этих государствах признаются коллективные права этнонаций и они (государства) строятся на принципах *многосоставной демократии* (Швейцария, Бельгия, Испания, Канада, Малайзия и др.), не нарушая основного принципа *гражданской демократии*. Политическая система при этом строится *не* на основе англосаксонского, «чисто» гражданского принципа («один человек — один голос»), а на основе распределения власти между основными этнолингвистическими сегментами общества (т.е. этнонациями), организованными в партии; пусть они даже формулируют свои цели и принципы в терминах политической идеологии. Субъектами политического права (в конечном счете) выступают этнонации. Соответственно, власть распределяется относительно пропорционально между основными этнонациональными общностями государства. Правда, такой метод решения этнонациональных проблем применяется там, где отсутствуют большие различия по численности между этническими общностями; где страны имеют относительно небольшие размеры и существуют развитые традиции компромисса и согласия.

Какой же вывод следует отсюда? И можно ли применить этот опыт в условиях России, где около 80% населения составляют этнические русские? Применить этот опыт в российских условиях без критического осмысления нельзя. Но из всего этого видно, что там вполне законно существуют «этнические» политические партии — то, что в России запрещено законом. Вот почему не утихают дискуссии вокруг «русской республики» как альтернативы безнациональной, космополитической России. Но это тоже не выход из положения. Такое решение проблемы явилось бы вторым изданием «русского сепаратизма» — теперь уже внутри Российской Федерации.

Проблема на самом деле заключается в том чтобы: 1) *восстановить подлинное народовластие, что невозможно без ликвидации (или хотя бы нейтрализации) фарисейского принципа формирования власти, когда крупный капитал определяет «лицо» государства;* 2) *создать серьезные барьеры для проникновения во власть «агентуры глобализации» (термин А. Панарина), мечтающей превратить Россию в часть Европы и вассала Запада, вопреки законам геополитики и евразийской (континентальной) природе России;* 3) *здать такие смыслы и стратегию развития страны, которые консолидировали бы народы России, соответствовали бы «имперской» (в хорошем смысле этого слова) природе страны и способствовали бы созданию эффективного Евразийского союза.* Только в этом случае и только таким образом мы получим русскую власть в России, и утихнут споры о «русской республике», ужатой до пределов слегка расширенного варианта Московии.

Теперь о сложностях реализации такого подхода. Будучи евразийской державой, геополитическая «судьба» России формулируется в терминах континентальной цивилизации «Суши». Для нее характерны идеалы *самоценности национальных культур и содружество народов; интеграция различных этносов, через включение в элиту государства представителей этих этносов и закрепление автономного статуса в социальной и культурной жизни (со времен Российской империи); консолидация народов на базе общего дела (большого советского проекта), формирование надэтнической системы ценностей и культурных образцов на базе русской культуры и взаимодействия культур.*

Но либералы-западники во власти в России всегда пытались проводить реформы, «ломаю через колено», без учета геополитической судьбы и культуры народов России; а народ воспринимался как нечто, что можно «формовать» и конструировать по западным (европейским) рецептам. Поэтому для либералов русский и другие коренные народы и их культура

всегда представляли собой нечто косное, что надо устранить. Либералы по определению не ставят задачу *синтеза культуры и традиций с модерном*, как это сделано, и весьма успешно, в странах Дальнего Востока и в Юго-Восточной Азии.

«Партия» государственников в коридорах власти нынче вынуждена действовать с оглядкой на вашингтонское «цэка» и своих коллег из неолибералов. Но в том, что касается внутренней геополитики, с 2000-х г. Кремль предпринял энергичные попытки собрать страну, восстановив «вертикаль власти»; и покончил с региональной фрондой и элементами конфедерализации. В этом заключался *позитив* в этнонациональной политике «молодого» Владимира Путина. Целостность страны ни в коем случае не должна была оказаться под сомнением.

С другой стороны, не смея перечить «общедемократическим» (якобы) тенденциям, наша правящая элита некритически восприняла *англосаксонскую модель* решения этнонационального вопроса. Вообще, надо заметить, что все «реформаторские» начинания во многом повторяют «зады» этой чуждой для России политправовой системы. Эта система в целом носит антисоциальный и антинациональный (в этнополитическом смысле этого слова) характер и противоречит коллективистской природе российской цивилизации.

Какой же логикой руководствовались здесь наши государственные мужи? Очевидно такой, что *нет ни эллина и ни иудея, ни русского и ни татарина, а есть общая РОССИЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ.* Если даже и есть такая коллективная общность, как народ (этнос), то его права пусть регулируются на уровне регионов или законом о федеральной национально-культурной автономии и законом о малочисленных народах Севера, и не более»(!) Тихой сапой устранили запись о национальности в паспортах, и таким образом решили («законно») упразднить *этнонациональную идентичность* как юридический признак народа, как коллективного субъекта права и политики. При том, что

в национальных республиках статус-кво особо не изменился, и там «титульные» этносы-народы не собираются менять свою идентичность, такое решение больше всего затронуло русских. Была очевидна попытка, в лучшем случае, сформировать *общероссийскую гражданскую идентичность* как альтернативу этнонациональной идентичности. А в худшем случае — попросту постепенно вытравливать из сознания людей чувство принадлежности к своему народу; формировать космополитическое сознание и легитимизировать право на власть для определенных групп, вне зависимости от этнонациональной принадлежности.

Каковы же последствия для России? В *социокультурном и цивилизационном плане* — это вытеснение подлинной культуры русского и других народов на периферию общественной жизни; выбор в пользу чуждой (западной) культуры и образцов и отказ от собственного культурного проекта интеграции народов России, межнационального и наднационального — как в бывшем Союзе.

Другой важный аспект: в социально-политическом и экономическом отношении иммиграционная политика весьма «успешно» способствовала переводу социального конфликта в культурно-цивилизационную плоскость. Таким образом, социальное недовольство и антиолигархический настрой большинства российского общества «плавно» переводится в межэтническую и межконфессиональную плоскость. Здесь также очевиден заказ крупного капитала (преимущественно компрадорского), нуждающегося в дешевой рабочей силе.

В *плане межэтнических и межконфессиональных отношений* очевидны признаки раздвоения и противоречий. Власть устами высших чиновников говорит правильные слова относительно межэтнических и межконфессиональных проблем в стране, а на внешнеполитическом уровне демонстрирует относительно адекватный подход в том, что касается мусульманского «вектора» в своей политике. Это и отношения с Организацией Исламская Конференция и рядом ключевых

стран этого мира, и политика в отношении Палестинской автономии и вопроса о статусе Иерусалима - ключевого для мусульман мира, да и христиан тоже. По факту же, власть зачастую действует (неявно, через разные структуры) в совершенно противоположном духе: и через массмедиа, и через судебные и правоохранительные органы, и, наконец, на Северном Кавказе - через силовые структуры. Российский (русский) патриотизм наши киношники и журналисты стали воспитывать на ненависти к части российского общества (имеются в виду народы российского Кавказа). Тому есть очень много примеров — не буду даже перечислять.

Горькая статистика набралась и в отношении того, что касается запрета на издание и распространение исламской литературы — на основе судебных решений где-нибудь в Магадане или на Чукотке. Тогда как советами муфтиев и исламскими учеными в России эта литература оценивается как абсолютно нейтральная и неэкстремистская. Аналогично дело обстоит и с вопросом о получении разрешений на строительство мечетей в крупных городах страны. Это очень болезненная тема для мусульманского сообщества — второго по численности в России (около 12–15% населения). Полагаю, что конфликт здесь сознательно нагнетается отнюдь не государственниками.

Каков же промежуточный вывод? *На среднем (бюрократическом) уровне, в том числе и на федеральном, действует антисистемная «партия», которую скорее можно идентифицировать с прозападниками, нежели с евразийцами-государственниками. Последние традиционно благоволили сожительству и сотрудничеству православия и ислама.*

Какие же актуальные выводы следуют из нашего анализа?

1. Существуют три способа нейтрализации противоречий в формуле «национал-корпоративизма» и формирования адекватных природе России гражданской идентичности или гражданского национализма. Во-первых, навязать обще-

ству и власти идею большого проекта и соответствующих смыслов и стратегии развития России; подключить к этому процессу соседей по Евразийскому экономическому союзу. Ибо без смыслов нет стратегии, а без стратегии (адекватной геополитической судьбе России) адепты формулы национал-корпоративизма потеряют все: и страну, и свои состояния. Во-вторых, переход в рамках новой стратегии от формулы «прагматичных связей с соседями по Евразии» (они, эти связи, рассчитаны, как правило, на недалекую перспективу) к долгосрочному сотрудничеству и реализации больших проектов, сообщающих ЕвАЭС новое качество. В рамках такого подхода можно и нужно решать проблему *управления иммиграцией* в Россию, но уже не в интересах местных бюрократий и корпораций, а и в интересах России в целом и наших соседей. В-третьих, решительно трансформировать второй член в формуле «национал-корпоративизм», заложив в неё идею социальной и стратегической ответственности. Соответственно, меняются и налоговая политика, и геополитическая функция крупного капитала.

2. Драма России заключается в глубоком расхождении ожиданий и настроений русского и других коренных народов страны — с одной стороны, с идеологией и практикой неолиберализма, реализуемыми де-факто в стране, — с другой. *Такой раскол приобрел традиционный для нашей страны характер отчуждения Центра и провинции как носителей «перпендикулярных» идеологий*: Центра как носителя неолиберальных ценностей, и провинции, ценности и ожидания которой укладываются в модель национальной и цивилизационной самобытности России. Провинция в этом смысле — это социальный и нравственный фундамент восстановления геополитического статуса и аутентичного развития. Но соблазн решить этот судьбоносный вопрос, опираясь исключительно на русский этнонационализм, как показывает история, может завершиться крахом, если в новой модели российской цивилизации не будет достойного места для ко-

ренных народов и традиционных конфессий России (прежде всего ислама). Определение правильного баланса в соотношении *общероссийского гражданского самосознания и этнического самосознания* — одна из главных задач. В рамках такого подхода серьезной ревизии должны быть подвергнуты образовательная и информационно-культурная политики — как на федеральном, так и региональном уровнях. Лозунг «Россия для (этнических) русских!» провокационен и может играть только на руку врагам России.

3. Политика денационализации Российского государства, реализуемая либералами во власти, — с одной стороны, и ограниченная политика национал-корпоративизма, проводимая силовиками во власти, — с другой, должна быть демонтирована. Это путь в тупик, в небытие для России. Нейтрализовать разрушительное влияние либералов во власти (в контексте нациестроительства) можно только опираясь на главного заказчика здорового НАЦИОНАЛИЗМА «снизу» — широкую коалицию патриотических движений и центров, НКО и партий. В этом главная проблема на сегодняшний день в России.

4. Мы сейчас находимся на совершенно новом этапе глобализации, в которой огромное значение имеют информационные технологии как «инструменты» манипуляции, самоорганизации и гражданского протеста. В условиях глобальных вызовов и политики, направленной на дестабилизацию национальных государств, опираться только на старые принципы «сборки» наций, на старые принципы нациестроительства невозможно. Эти старые принципы (основанные на этнонациональной и конфессиональной солидарности) должны быть дополнены новыми. Новые принципы и новые цели должны быть производными от глобальных вызовов. Вопрос стоит уже не просто «выживет Россия или нет?». Вопрос стоит так: выживет ли человечество в новых условиях? И в каком качестве оно выживет? — Или в качестве 80% зомбированных «рабов» и новых кочевников с вживленными чи-

пами, или же в качестве субъектов истории? Соответственно, у России очень много сторонников, и именно поэтому на нее смотрят как на потенциальный «генератор» смыслов и стратегии, альтернативной западной модели глобализации. В свое время Советская Россия выступила в качестве субъекта и генератора смыслов и стратегии альтернативной глобализации, сохраняя при этом свою идентичность. Сможет ли Россия вновь подняться с колен и быть достойной своей судьбы? Это зависит и от нас.

Россия находится в процессе самоуничтожения

*С.С. Сулакшин,
доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

Хочу поблагодарить Сергея Георгиевича за сообщение. На эту тему им был опубликован целый ряд фундаментальных работ. Тема разработана широко и объемно, что позволяет автору обоснованно формулировать взгляды на проблему. Но нас иногда, не то в силу привычки, не то в силу рациональных соображений, ограничивает в точности анализа и открытости оценок какая-то внутренняя потребность — самоцензуры ли, или же «толерантности». Я попробую ее в себе преодолеть, и для начала не соглашусь с тезисом докладчика о том, что он не видит никакого «сатанинского», внешнего происхождения заговора. Я не просто вижу это, но и готов свидетельствовать, предъявив документы и факты. В частности, все, наверное, помнят формулу Гавриила Попова «ЗД» начала 1990-х гг.: «десоветизация, декоммунизация, децентрализация». Примерно в то же время меня обучали по адресу Sunset, 10 в Александрии, пригороде Вашингтона, вот

именно этому самому. Я тогда был в эшелоне так называемых fieldman ов, которых готовили для Восточной Европы и для СССР, для каждого его региона, промывая мозги, объясняя, в чем смысл жизни, основанный, естественно, на американском представлении, на западном, либеральном представлении о смысле жизни. Эти люди готовились, внедрялись, становясь информаторами и распространителями некоторых доктрин и идеологического влияния. Но это был еще такой дедовский, деревенский способ.

Прошло 20 лет. Очевидно, что Россия за эти годы, проиграв холодную войну (и это можно скрупулезно реконструировать по государственно-правовым, экономическим, гуманитарным обстоятельствам), превратилась в определенной степени в колониально-протекторатный, оккупированный тип государства. Приведу пример. В докладе сказано, что 3 трлн долл.в изъято из инвестиционного потока в стране. Это удивительно совпадающая цифра с той, которая подсчитана нами для оценки монетаристской финансовой политики, в которой ЦБ РФ предписана роль так называемого currency board. Характерно, что для нее даже перевода на русский язык не нашли. Это привнесенная технология, заключающаяся в том, что ЦБ сокращает денежную эмиссию, якобы в борьбе с монетарной инфляцией, хотя подсчитано и показано, что инфляция как раз этому обязана — сокращению инвестиционного, денежного, кредитного и прямого предложения по объемам производства товаров и услуг. 20 лет происходит одно и то же – практически масштабная диверсия. Сколько докладов и расчетов было представлено, но продолжают делать одно и то же.

Еще один пример — «странная» демографическая политика в виде планирования семьи, проводимая за счет государственного бюджета. В вымирающей России занимались пропагандой, обучением в школе — с целью сокращения рождаемости! Это можно объяснить с позиции отсутствия некоторого замысла? Я как-то взял и для себя перечислил

около десятка ключевых государственно-управленческих, концептуальных выборов во внутренней и внешней политике России. Все эти 10 ключевых выборов противоречат интересам России, ее безопасности, гуманитарному потенциалу. Знаете, можно ошибиться в одном-двух или даже в пяти случаях, но когда 100-процентное попадание «не туда» — это уже не ошибочность, это спланированность в таком вот, преднамеренно ошибочном управлении страной. И это не вкусовая оценка.

Далее. Есть ли в системе Российского государства министерство, агентство или хоть что-нибудь, связанное с национальной политикой, национальными отношениями? Такие структуры были, но их расформировали. Есть ли основополагающие документы, которые хотя бы задают эту государственную политику? Ведь если нет специализированного субъекта управления, то этим могло бы заниматься Правительство. Но и таких документов нет. Нет самой доктрины. Нет самой стратегии — как в полиэтнической, поликонфессиональной стране противостоять деструктивным процессам. Хотя я соглашусь, что есть и противоположные, позитивные социально-молекулярные процессы. Но речь-то идет не о саморегулирующейся среде, а о государственной политике, о настройке государственного инструмента, государственного института. А в России практически все без исключения развивается в прямо противоположном направлении, и случайностью, ошибочностью этот факт не объяснишь.

Смотрим на информационное пространство. О газетах тут уже шла речь. Но есть и гораздо более мощные инструменты массового информационно-психологического воздействия. Это электронные каналы — прежде всего телевидение и Интернет. Вот что удивительно: если убили таджикскую девочку в Санкт-Петербурге, то ровно через полчаса самые звучные СМИ уже начинают муссировать тему русского фашизма. Хотя в этот же день в стране лишили жизни еще несколько сотен человек разных национально-

стей — в основном русских. Почему-то на Манежной площади СМИ «разглядели» не мальчишек-школьников, неизвестно как и кем туда заманенных, а националистов, причем опять же различия с русским фашизмом не «усматривается». И почему фашизм русский, а не, скажем, «россиянский»? Такие массивные информационные акции — это тоже не случайное явление, а проявление хорошо организованных процессов. В целом, если встать на эту вполне доказуемую, но некомфортную в публичном пространстве и даже в научной дискуссии позицию, то я часто получаю слова благодарности, пусть и высказанные полупрошептом. Конечно, об этом надо говорить.

Общий баланс анализа на сегодня — это вывод о спланированной и хорошо управляемой, к несчастью с вовлечением института Российского государства, государственной политики деструкции, а вовсе не нациесозидания, не нациестроительства. Поэтому тревога, которая звучит в докладе Сергея Георгиевича, совершенно обоснованна. Должен возникнуть контрпроцесс, должны появиться контрсилы — общественные ли, внутриэлитные ли, или же внешнее давление (хотя, арабов, скажем, уже почти разгромили вслед за Советским Союзом, но остаются еще Китай и Индия). В общем, должно произойти нечто. В противном случае и российская государственность, и единство — в смысле гражданской нации — в России достигнуто не будет.

Нациестроительство как инструмент информационных войн: сборка и разборка наций в парадигме конструктивизма

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Иллюстрацией понимания современной российской властью должного вектора нациестроительства могут послужить слова президента: «Вместо прошлой построим настоящую Россию, современную, устремленную в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда». В этом президентском императиве проявляются как минимум два важнейших индикатора. Во-первых, негативизация прошлого. Новую нацию предполагается утверждать не на прежнем историческом фундаменте российской государственности, а на принципиально иной «современной» парадигме. Во-вторых, нация есть объект конструирования. Ее можно построить. Она уже не есть органический продукт многовекового исторического созрева-ния. Понимая это или нет, президент, по сути, встал на позиции теории конструктивизма.

Поднятая в представленном докладе проблема видится прежде всего как важная методологическая постановка. Причем эта постановка имеет прямое управленческое значение. Ключевая категория, использованная в названии доклада, — «нациестроительство». Применяется также понятие «сборка нации». Управленческие технологии сегодня таковы, что нация может быть построена. Она, сообразно с парадигмой конструктивизма, выступает как проект. Соответственно, нация может быть не только собрана, но и таким же образом разобрана. При современном уровне управления массовым сознанием нациогенезис принципиально управляем. Нации находятся в поле конструирования и деконструирования.

Совсем иное дело — категория «народ». В основе его принцип гонимости — рождения. Народы, в противоположность нациям, есть явление органическое, имманентно связанное с природно-средовыми условиями бытия. Они неразрывно связаны с прошлым. И эта связь закрепляется в виде традиций.

Нация — это не традиционный институт бытия народов. Она продукт нового времени. В России, к примеру, сам термин «нация» начали использовать только с XVIII в. Что же было до этого? До нации были этносы — некие органические общности, вышедшие из родовых структур и адаптировавшиеся к той среде обитания, природному ареалу, где они, собственно, и формировались. На основе взаимодействия этносов друг с другом формировались уже более интегрированные сообщества — цивилизации. Вообще, идентичность, то есть осознание своей принадлежности к некой общности, имеет несколько уровней. Она может быть цивилизационной, этнической, клановой. Эти уровни не являются взаимоисключающими. В масштабе цивилизации имеет место как цивилизационная, так и этническая идентичность. Можно быть финном, немцем, великороссом, малороссом, белорусом в рамках этничности и одновременно быть русским. Более того, цивилизационная идентичность не может сложиться, имея в основе лишь один народ. Чтобы выйти на уровень цивилизационной идентичности, должна наличествовать определенная множественность народов. Это принципиально другая модель, чем модель гражданских наций, которая сейчас рассматривается как некий универсалий.

Между народами, формирующими единую цивилизацию, складывались особые отношения, основанные на взаимном уважении и взаимной комплиментарности. При этом в цивилизационных семьях всегда были народы, которые брали на себя осевую функцию по отношению к другим этносам. В мусульманской цивилизации это арабы, в китайской — народ хань, в русской — великороссы. Все прекрасно понимали: если эта осевая структура исчезнет, то рассыпется

вся цивилизация, погибнут все составляющие ее народы. Такая система существовала веками.

Но вот возникает категория нации. Само ее выдвижение связано с контекстом генезиса западной цивилизации. Отправной точкой в этом процессе явилось выдвижение идеологии абсолютизма. Этническая множественность мешала становлению централизованной государственной власти. Чтобы нейтрализовать центробежность этносов, необходимо было сформировать единую нацию, а в дальнейшей перспективе и гражданское общество.

Показательна в этом плане французская история. Французская нация формировалась из компонентов многих культур: германской, романской, кельтской. Еще в XVIII в. французы говорили на патуа, и представители различных этнических групп очень плохо понимали друг друга. Несколько столетий было потрачено на то, чтобы убрать раскол между бретонцами, гасконцами, провансальцами, бургундцами и сформировать французскую нацию. В той ситуации нация была не продолжением этноса, но конфликтной по отношению к нему категорией. Нация в определенном смысле убивала этнос. Вспомним афоризм: «Этнос — это чучело нации».

Наступила эпоха модерна. Националстроительство в этот период велось еще с апелляцией истории народов. Сборка советской общности в СССР, на которую ссылается докладчик, была осуществлена на прежней русской идентичности.

Но далее происходит переход к парадигме постмодерна. Возникает представление, что нации можно собрать на любой, не обязательно связанной с этнической традицией идентичности. Можно собрать все что угодно. Эпоха постмодерна выдвигает тезис о принципиальной возможности конструирования любых национальных структур. Вот в этом и состоит главный вызов. Сегодня активно конструируются нации, которые прежде не существовали. Для них создаются соответствующие исторические мифы. Одновременно разрушаются прежние, существовавшие не одно столетие национальные

структуры больших геополитических пространств. Для иллюстрации этих процессов достаточно проанализировать школьные учебники по истории в республиках бывшего СССР.

Итак, нации можно конструировать, а можно, соответственно, и деконструировать. На наших глазах происходит конструирование новой нации — кавказской. Казалось бы, в религиозном, культурном, языковом плане сложно найти более пестрый регион. Тем не менее, усилия по формированию этой новой общности очевидны: выделение Северо-Кавказского федерального округа — Манежная площадь... Что последует в третьем акте этой пьесы — догадаться не трудно. Сейчас сам институт нации превращается в инструмент информационной войны.

Национальное конструирование может быть как внутренне, так и очевидно внешне управляемым. Анализируя процессы современного нациогенеза, необходимо прежде всего ответить на вопрос, чей это проект. Необходимо установить, какие цели преследуются при выдвижении того или иного национального конструкта. Категория нации сегодня все более используется в качестве инструмента информационных войн. Овладеть этим оружием в целях обеспечения безопасности России крайне необходимо.

Национальное государство и нациестроительство: российские проблемы в контексте современного зарубежного опыта

И.С. Семенов, доктор политических наук

Сегодня мыслить только в привычных категориях нации эпохи модерна, когда сформировались современные национальные государства, не представляется возможным: изменилось само понимание и нации, и национального госу-

дарства. Подавляющее большинство стран мира (за такими отдельными исключениями, как, например, Япония и Исландия) стали поликультурными и имеют в своем составе и автохтонные меньшинства, и большие инокультурные группы иммигрантов первого, второго и третьего поколений. Автохтонные этносы могут быть титульными в регионах своего проживания (как в Шотландии, на Корсике, в Каталонии или Стране Басков), и здесь этническая идентичность и этнонационализм получают территориальное измерение. Но рост сепаратистских настроений в регионах представляет угрозу для национального государства, и решения ищут на путях предоставления таким территориям той или иной степени самоопределения (передача полномочий парламентам регионов в Великобритании, «государство автономий» в Испании, особый статус автономии для пяти регионов Италии и пр.). Нынешний политический кризис в Бельгии показывает, как далеко может зайти конфликт идентичностей, когда к этнокультурному добавляется социальное измерение, и какую угрозу территориальной целостности государства такой конфликт может нести.

С другой стороны, в составе принимающих стран утверждаются ценности инокультурных групп и сообществ, не всегда совместимые с ценностями и политической культурой сообщества принимающего. Социальные взрывы во Франции, меры, принятые французским правительством в отношении цыган, итоги голосования в Швейцарии по вопросу о минаретах, предшествовавший этим событиям карикатурный скандал в Дании и бурная дискуссия вокруг возможностей присутствия символов мусульманской идентичности в публичном пространстве принимающих мигрантов европейских стран ставят вопрос о пределах демократии и о пересмотре стратегии развития национального государства. Руководители Германии, Франции и Великобритании во всеуслышание заявили о кризисе государственной политики мультикультурализма. Вопрос, что придет ему на смену, оста-

ется открытым, однако государство не может стоять в стороне от политики идентичности, которая становится одним из значимых направлений публичной политики. На уровне Европейского союза ставят вопрос о «диалоге культур», но развитие такого диалога требует постоянных и заинтересованных усилий, повседневной работы всех участников — представителей конфессий и гражданских организаций, местных сообществ, государства и его институтов, школы и культурных центров — то есть политики по формированию позитивной идентичности, открытой к иному культурному опыту и поддержанию правил социального общежития.

Переосмысливается и содержание национальной идентичности, она не является сегодня доминирующей в системе самоопределения современного человека. Его идентичность стала многосоставной и многоуровневой. Само национальное государство представляет сегодня констелляцию территориальных и этнокультурных групповых идентичностей. И ключевая технология нациестроительства — стимулирование развития территорий в составе государства, утверждение их идентичности как составляющей идентичности национальной, например, на путях социальной и культурной политики. В недавнем интервью журналу «Эксперт» (см. № 8, 28.02.2011 г.) старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований АН Республики Башкортостан А.Т. Бердин указал на «сформировавшуюся идентичность» башкир, татар и многих других народов России и назвал советскую систему территориального устройства «великим историческим компромиссом между правом на самоопределение и единством страны». Сегодня, по его мнению, для укрепления российской гражданской идентичности необходимо учитывать и сложившиеся этнонациональные идентичности, и модели самоопределения в составе России, и утвердившиеся повседневные практики взаимодействия людей.

Проблемы межнационального мира и согласия, поднятые на заседании Госсовета в Уфе в феврале нынешнего года,

стоит, на мой взгляд, рассматривать в общем контексте поисков *социального мира и согласия в российском обществе по приоритетным вопросам развития страны*. У нас есть большой исторический опыт совместного мирного проживания и взаимодействия представителей разных культур, религий и конфессий. Он практически не известен за пределами страны, и таким опытом надо делиться. Однако утверждение о том, что (как говорилось в ходе дискуссии) «мир смотрит на Россию» и ждет от нас откровений, вряд ли соответствует реальному положению дел. Смотрят на тех, кто экономически успешен сегодня, причем даже не на опыт тех стран, у кого сегодня высокий уровень жизни, а тех, кто динамично развивается.

Поступательное экономическое развитие Китая, Индии, Индонезии, Малайзии — это тот опыт, на который и Запад стал обращать сегодня пристальное внимание, в том числе и выявление тех ценностей, которые обеспечивают поступательное экономическое развитие. Пример успешного современного *нациестроительства* — Сингапур — у всех нас перед глазами. Отсутствующая, по сути дела, нация была сконструирована за одно поколение на маленькой территории, у которой практически нет иных ресурсов, кроме человеческого капитала и выгодного географического положения в сердце Юго-Восточной Азии. Это происходило на путях сопряжения экономического успеха и традиционных ценностей, то есть встраивания традиционных ценностей в систему достижительной мотивации людей и одновременно с опорой на политику идентичности, субъектом которой выступало государство. В последние десятилетия Сингапур стал уникальным для *постиндустриального общества* примером попыток конструирования гражданской (или квазигражданской, имея в виду ограничения политических свобод и возможностей политического участия) идентичности на фундаменте авторитарного политического режима. В рамках «идеологии общих ценностей» государство сосредото-

чило внимание на развитии образования и на поддержании «азиатской идентичности», ориентированной на строгую социальную иерархию, которая должна была компенсировать отсутствие политических свобод. Она вбирала элементы западной культуры, но при этом опиралась на традиционные модели поведения и моральные установки «азиатской нации» — коллективистские консенсусные ориентации, семейные ценности, расовую и религиозную терпимость. Это создало тип гибридной идентичности, но с ярко выраженным азиатским лицом. Следующим шагом должны стать меры по демократизации политических институтов: авторитарный однопартийный режим полиэтнического государства может оказаться не в состоянии поддерживать необходимый для устойчивого развития уровень социальной сплоченности. В обществе, прошедшем пик авторитарной модернизации, вызревает конфликт между западными жизненными стандартами, потребностью в гражданском и политическом участии и традиционными ценностями и моделями поведения, который грозит подорвать хрупкую конструкцию полиэтнической политической нации.

Формирование позитивной идентичности как основы развития гражданской нации является важнейшей составляющей государственной политики идентичности. Она должна быть ориентирована на преимущества национального сообщества и на «капитализацию» таких преимуществ. Россия — страна больших возможностей, но необходимо открыть эти возможности для людей, положить их освоение в основу национального проекта развития. Для этого необходимы импульсы со стороны гражданского общества. Пример таких инициатив, как движение автомобилистов или городских движений (за сохранение памятников, против разрушения среды обитания и уплотнительной застройки), свидетельствует об успехе гражданской самоорганизации, выстроенной на сочетании интересов и ценностей. Вероятно, сегодня в достижении баланса между ценностями и интересами и за-

ложен потенциал развития гражданских форм самоорганизации и укрепления гражданской идентичности как основы современного нациестроительства. В том числе речь идет о структурах, представляющих религиозные, конфессиональные, этнокультурные идентичности, особые интересы молодежи. Развитие культуры диалога между гражданскими организациями и государством, между самими представителями гражданского общества — важнейшая составляющая успеха. Проблема доверия в обществе остается болевой точкой российского нациестроительства.

Другим обязательным, на мой взгляд, направлением является целенаправленное взаимодействие интеллектуальных сообществ, которые в тех или иных формах сложились сегодня в университетской, академической, художественной профессиональной среде, с государством и институтами социализации по выстраиванию общероссийского культурного пространства. Разделяемые культурные ориентиры, герои и образы, воплощающие представления о национальном идеале, составляют, наряду с демократическими политическими институтами, общие ценности гражданской нации.

Информационная политика государства как ключевой фактор влияния на формирование национальной идентичности в России

С.В. Володенков, кандидат политических наук

Очень интересный доклад. В качестве одной из основных проблем хотел бы выделить крайне низкую степень доверия людей к институтам власти. Более того, люди не доверяют государству в целом. Потому не случайны результаты опроса, проводимого нами прямо сейчас, в ходе дискуссии, в интернете на тему «Идентифицируете ли Вы себя с гражда-

нином РФ?». На данный момент 47% респондентов ответили «да», 3% идентифицируют себя как «гражданин СССР», 32% идентифицируют себя как «гражданин мира», 18% вообще затруднились ответить. Это большая проблема — проблема доверия населения по отношению к стране и самоидентификации себя как гражданина России. Любые попытки построения нации в таких условиях могут потерпеть неудачу. Необходимо разбираться с этой первоначальной причиной недоверия населения России государству.

Я согласен со Степаном Степановичем в том, что есть внешнее воздействие, которое может быть разнообразным. Есть закон необходимого разнообразия систем Эшби, в соответствии с которым одно разнообразие можно победить только большим разнообразием. Что же касается российской государственной информационной политики, то она, на мой взгляд, крайне неуклюжа и ограничена. Можно, безусловно, монополизировать СМИ и телеканалы, но это не означает, что мы достигли разнообразия. А разнообразие общества неуклонно растет, и формирование политических взглядов и национальных ценностей находится вне зоны действия исключительно телевизионных каналов, несмотря на их значимую роль для определенной части населения страны. Но еще У. Эко говорил, что общество разделяется по способу потребления информации — часть общества будет потреблять готовые суждения через телевизионные каналы, пользоваться традиционными СМИ, а наиболее активная часть (в первую очередь молодежь) будет вырабатывать собственное мнение, свою точку зрения в результате осуществления горизонтальных коммуникаций в интернете. Не случайно влияние телевидения на молодежную аудиторию становится все меньшим и меньшим. На мой взгляд, наше государство не увидело вовремя того, что сформировались две своеобразные общности людей, и работать с ними нужно по-разному, использовать разные коммуникационные стратегии. А просто призывами построить нацию через ТВ мы ничего не добьемся.

Кроме того, сегодня информационное пространство России по большому счету формирует внешние силы, нам навязываются чужеродные символы, модели поведения, культурные и ценностные ориентиры. И опять-таки за счет большего разнообразия технологий информационного влияния.

Еще одна проблема, которую я вижу, состоит в том, что государство крайне неуклюже, но постоянно раскалывает общество на различные социально-экономические группы. Информационная политика на федеральном уровне такова, что в значительном числе случаев речь идет о предпочтениях той или иной группы населения, но не россиянам как таковым. Так, после «оранжевой» революции в Украине стали говорить, что «молодежь — это наше все», активно формировалась государственная молодежная политика, масса громких проектов. Ну а как же остальные группы населения? Затем стали говорить об армии, которой, может, раньше и гордились, но сейчас она вызывает одни отрицательные эмоции. Сегодня люди часто говорят о том, что президент занимается армией, потому что готовится к выборам 2012 г. И среди других групп населения повышение денежного довольствия конкретной профессиональной группы людей вызывает зависть, какими бы благими намерениями мы не руководствовались. Также совершенно явно можно выделить следующий негативный фактор, когда мы говорим об информационной политике: СМИ постоянно выделяют этнические группы и связанные с ними проблемы. Здесь уже говорилось о проблемах выходцев с Кавказа и формировании отношения к ним. При ежедневном мониторинге информационного пространства возникает серьезная тема — раскол общества по этническому признаку. Примеры известны всем, достаточно включить телевизор: «выходец с Кавказа устроил стрельбу в ресторане», «группа кавказской молодежи была задержана милицией», «задержан уроженец одной из кавказских республик» и т.д. Я не понимаю, целенаправленно это делается или нет, но государство в лице президента лишь в одном случае

обращается к нашей нации в целом, ко всему российскому народу без выделения каких-либо групп — будь то малый бизнес, которого у нас на самом деле практически нет, или молодежь, или многодетные матери — это новогоднее обращение к россиянам. На мой взгляд, с такой информационной политикой монолитную и единую нацию не построить. Это большая проблема.

Что касается технологий, то мне кажется наиболее перспективным на сегодня создание единой нации, формирование общих ценностей, символов и смыслов. Здесь я согласен с выступавшими на эту тему. А создание общих ценностей возможно только при совместных усилиях различных групп и общностей. Иными словами это называется технологией вовлечения в совместную деятельность — государства с гражданским обществом, различных групп населения друг с другом. Так, на Кавказе была сделана попытка организации детских лагерей отдыха для представителей всех народов и республик России, чтобы дети могли учиться общению с разными народами и формировать общие ценности еще с детства. На мой взгляд, это очень важная работа. При этом здесь весьма эффективно могут быть задействованы горизонтальные коммуникации в интернет-пространстве, особенно при работе с молодежью. Soft-технологии, если более тонко, активного и масштабного привлечения различных социальных, этнических, демографических, культурных групп в различные совместные проекты, собственно говоря, и являются одним из инструментов, с помощью которого можно добиться выработки общих ценностей. А затем уже на этой основе выработать единое целостное пространство, которого сегодня нет. И это, по моему мнению, одна из актуальных задач, которые стоят сегодня перед государством в аспекте формирования национальной идентичности в России.

Решение национального вопроса — национальная идея Российского общества

Ф.Ф. Пащенко, доктор технических наук

Наблюдая за дискуссией, видно, что доклад затронул наши чувства, поскольку большинство из нас вышли из Советского Союза и мы помним, что тогда таких национальных проблем не возникало. В детстве (60-е годы) я жил во Владивостоке. Мы жили и играли — дети разных национальностей, от русского до китайца. Во дворе, объединяющем несколько домов, не возникало межнациональных и этнических конфликтов. Мы жили как дети одного единого народа. В 70-х годах возникла практически новая общность — советский народ. Можно много спорить, была ли всеобщность, насколько толерантно было общество, но это было время межнационального согласия.

Последние 25 лет прошли по России, как смерч, взбудоражив и взорвав национальные отношения. Возрастающая напряженность в межнациональных отношениях для российского общества — это новое явление, одна из наиболее больших проблем России, большинство жителей которой помнят время прочного межнационального согласия. Мультинациональный состав — это неотъемлемое свойство существования России на протяжении всей ее истории. Нельзя допустить, чтобы лозунги «Россия — тюрьма народов» или «Россия — для русских» стали доминировать и разделять общество. Согласие строилось на русской культуре и толерантности русской цивилизации ко всем народам России.

Хотелось бы обратить внимание на несколько моментов. Здесь уже обсуждалось, как смотрят на Россию арабские и другие страны, народы Кавказа и другие национальности. Есть внутренние факторы деструктивного развала, связанные в том числе и с национальными проблемами в России. Есть

и международные факторы. Это было не только в 90-х годах, но продолжается и сейчас. Достаточно вспомнить высказывание М. Олбрайт о том, что Сибирь должна принадлежать всему человечеству, а не только России. Это не что иное, как призыв к пересмотру границ государств и территорий, на которых живет та или иная нация. Второй момент — мы много говорили, что разные государства приходят к сменам парадигм в национальных вопросах. Так, во Франции провозгласили территориальную, гражданскую общность, в Германии — культурную общность. Но если внимательно посмотреть на те моменты, которыми это все сопровождается, то можно увидеть, что в Германии под культурной общностью понимается немецкая культура, немецкий язык. Франция — это гражданская общность, культура, но французская, и территория французская. Обратите внимание, что идет, может быть, и ползучее, но изменение политики государств, связанной с мигрантами, с другими национальностями. Мигранты — хорошо, но если они мигрируют в другие страны. Последние годы показали, что политика мультикультурности в мире терпит поражение.

Что же касается России? Здесь трудно сказать, надо ли группироваться вокруг какого-то стержня или же разъехаться по национальным «квартирам», по регионам. Ясно одно: если с русским народом покончат на территории России, то дальше придет очередь и других народов.

Один из аспектов, который прозвучал в докладе Сергея Георгиевича, мне кажется очень важным для современной ситуации в России. Это выбор основной концепции национального развития. Показывая слайды, Сергей Георгиевич подошел к такому важному вопросу, как влияние экономики на национальное развитие. Если говорить только о национальном вопросе — это один аспект. А если говорить о решении национальных проблем вместе с социально-экономическими — это дает новый стимул решения национального вопроса. Сплочение других национальностей во-

круг нации (с успехами в социальной политике и экономике) более привлекательно для созидания и формирования новой национальной политики в России, формирования нации россиян или еще чего-то подобного, типа общности советский народ, чем сплочение вокруг бедной, деморализованной и деградирующей нации.

Ситуация в мире такова, что сегодня не происходит ассимиляции культурными народами менее культурных. Все наоборот: низкий уровень цивилизации одних подавляет более развитую культурную цивилизацию других. Говорят, что если уравнивать в правах радикала и либерала, то радикал перережет горло либералу. История цивилизации все время напоминает нам об этом. Вспомнить хотя бы противостояние Римской империи и варваров.

Анекдот «Армянского радио», когда умирающий старый армянин говорит своим сыновьям: берегите евреев, потому что как только расправятся с ними, возьмутся и за нас, — сегодня для мультинациональной России становится очень злободневным. Все нации России должны беречь русских. К сожалению, в процессе реформ русский народ — системообразующий (государствообразующий) — сегодня унижен, растерян, деградирует, особенно в национальных республиках. Остальные нации, глядя на происходящее с русским народом, тоже растеряны и чувствуют себя некомфортно в своей стране.

Если русских не станет (или станут малочисленными), то остальные нации тоже будут обречены на деградацию или уничтожены, в мире идет война за ресурсы. Для сохранения России, титульной нации России русскому народу надо уделять не меньшее внимание, чем другим нациям России. Как здесь не вспомнить закон «О порабощенных нациях», принятый в 1959 г. Конгрессом США. Из текста закона следовало, что проводимая в СССР политика привела к порабощению и лишению национальной независимости народов всех союзных республик, лишению личных и религиозной свобод.

Этот закон до сих пор действует и, видимо, получает свое отражение в межнациональных столкновениях и бархатных революциях в постсоветских республиках (Северный Кавказ, Осетия, Абхазия и т.д.).

Огромное значение для России имеет не только поддержка национальных ценностей всех народов, но и укрепление традиционных конфессий, пропаганда и восстановление традиционных норм морали, нравственности и ценностей.

Слияние национальных проблем с религиозными, конфессиональными только разжигает межнациональные противоречия, происходит объединение национальностей вокруг одной из духовных конфессий против другой конфессии. Пример: стремительное развитие ислама в северокавказских республиках. Причем развитие на основе наиболее радикальных (экстремистских) направлений ислама. Пример Арабского мира — это предупреждение для России. Возможно, лучше размежеваться с территориями, которые выступают против метрополии и хотят отсоединиться от центра? В противном случае, после утраты атомного щита Россия может быть уничтожена западными странами, как страна (пример Югославии), которая занимается геноцидом против собственного народа (например, Кавказ). Аналогичные радикальные явления происходят в христианском мире, и хотя говорят, что это ответная реакция, тем не менее это не оправдывает радикализм.

Анализ состояния говорит о нескольких тенденциях в национальном вопросе: нарастание радикальных устремлений к самоопределению и отделению национальных республик, к существенной дифференциации доходов между регионами и доходов между богатыми и бедными слоями в регионах. Вливание федеральных средств в национальный регион в большинстве случаев приводит к обогащению правящей в регионе элиты (клана) и к дальнейшему обнищанию остальных. Это вызывает обострение социальной обстановки, напряженность между кланами, социальными группами и центром.

Падение экономики в национальных автономиях — это, прежде всего, падение производства, нехватка рабочих мест. Как следствие — падение заработной платы и в итоге — рост безработицы. Ранее большинство социально-экономических программ, развитие промышленности, образования и т.п. в национальных республиках существенно дотировались из центра. В 90-х годах это финансирование иссякло, упало промышленное производство, сельское хозяйство и другие сферы. Сейчас делаются попытки восстановить дотации, но центральная власть с каждым годом становится слабее. Приватизация народного имущества приводит к потере экономических рычагов и управляемости, а частный бизнес не торопится расставаться со своими деньгами.

На национальный вопрос большое влияние оказывали военные действия на Кавказе. От открытой войны до анти-террористических акций и акций по принуждению к миру. Наличие больших диаспор в России (2,5 млн азербайджанцев, 1,5 млн армян, 1,5 млн грузин и других национальностей) приводит к вспышкам межнациональных отношений в ряде регионов и муниципальных образований.

С другой стороны, крепкая и устойчивая экономика приводит к миру в межнациональных сферах. Так, распределение ролей в бизнесе и криминале прекратило межнациональные столкновения в России между армянами и азербайджанцами.

Влияние образования: ранее в СССР находящиеся на более низком уровне развития национальные образования стремились подняться на более высокий культурный и образовательный уровень. Это приводило к уменьшению различия между национальностями и позволяло сгладить межнациональные конфликты между ними, поднять в качестве национальной идеи развитие науки, культуры, образования. Сегодня же создается впечатление, что власть выбрала другую политику — снижение социальной поддержки, отмена бесплатного образования и т.п. Снижение уровня образования в более развитых регионах и сведение их до более

отсталых, возможно, позволит легче управлять малообразованной массой. Думается, это очень опасная затея. Малообразованная толпа в критических ситуациях становится неуправляемой (идет вразнос) и легко манипулируется экстремистскими элементами. Вообще, варвары обычно побеждают высокоразвитые народы, поскольку у них более низкие человеческие ценности и потребности.

Криминализация общества приводит к диктату силы, хамства, наглости. Для России, особенно для московского региона, опасны ситуации «русский крест» и «конфессиональный крест». Опасным является также упрощенное сведение национального вопроса к терроризму, а также планы переселения народов из северокавказских республик в другие этнические регионы. Это может только усилить межнациональные и этнические конфликты.

В стране не проводится системный анализ национальных проблем и принимаемых управленческих решений. В связи с этим отметим несколько моментов, без рассмотрения которых рациональное решение национального вопроса невозможно:

- анализ факторов, влияющих на межнациональные отношения;
- анализ эволюции межнациональных отношений в России;
- анализ межнациональных отношений в мире;
- анализ межрелигиозных отношений, их эволюции и влияние этих отношений на национальные проблемы;
- влияние культуры и образования на межнациональные отношения;
- влияние экономического развития на решение национальных проблем. События на Манежной площади и другие протестные выступления показали, что в основе этих выступлений лежит не национальный вопрос, а социально-экономическая ситуация и, в частности, социально-экономические проблемы молодежи.

– прогнозирование и анализ сценариев развития международных отношений в стране.

Решение этих задач поможет сформировать системный взгляд на международные отношения, разработать сценарии их развития и мероприятия по сохранению мультинациональной цивилизации России.

Возможные сценарии развития России и национальных проблем:

1. Распад России, дробление ее на отдельные государства. Такие сценарии рассматривались З. Бжезинским и рядом других политиков в 80-е годы. Предлагалось дробление СССР на 22 части, видимо, 15 союзных республик (они уже стали самостоятельными) и еще деление России на 7 частей (видимо, аналоги сегодняшних федеральных административных округов). Эти мысли находят свое продолжение и сегодня в высказываниях высокопоставленных западных политиков: например, М. Олбрайт о статусе «Сибири» или японских политиков о дальневосточных территориях.

В этом варианте, например, кавказские республики отделяются и решают свои проблемы между собой. Это плохо для РФ и для республик — в них ухудшается экономическая обстановка. В Европе нарастает напряженность и необходимость гасить международные отношения в России. Помимо миграционного и криминального обострения на Европу падает и финансовая нагрузка.

2. Развитие национальных республик и дотационных регионов за счет Центра, примерно так, как это делалось в СССР. Но сегодня частный бизнес не хочет делиться деньгами, благами с остальным населением. Да и население других регионов проявляет недовольство такой политикой.

Развитие экономики в национальных республиках — это дорогая вещь. Нет возможности обеспечить качество производства на мировом уровне. Нет развития промышленности, нет развития рабочих мест, нет работы, молодежь идет в боевики, идет криминализация общества, начинается про-

воцирование международных конфликтов. Будет наращаться дифференциация регионов по уровню социально-экономических показателей. Тем не менее, этот сценарий должен быть тщательно исследован, поскольку он позволяет сократить дифференциацию регионов по уровню жизни и сочетать решение национального вопроса с подъемом социально-экономической ситуации в регионах.

3. Развитие России как нации-государства возможно при двух сценариях: выделение русских территорий из современного Российского государства или ассимиляция русским большинством других народов России. И тот и другой сценарии в чистом виде для России, да и для остального мира, не пригодны.

4. Сценарий создания государства-цивилизации. Россия в силу своего исторического развития, толерантности и еще сохраняющихся связей между населяющими ее национальностями представляет собой уникальное государство-цивилизацию. Сильное государство не может быть государством национальных меньшинств. Это приводит к конфликтам, расчленению государства и его уничтожению. За примерами далеко ходить не надо — это Балканы и Кавказ. Превращение русских в полноценную нацию, как и другие нации России — это, возможно, один из сценариев сохранения российской государственности, возврат к традиционному российскому государству

Этот сценарий более толерантный, особенно если учесть возможную смену в ближайшие 50 лет цивилизационных и демографических соотношений и наций России. Убыль славянского населения («русский крест») и рост численности других наций, сокращение представителей православной конфессии и рост численности представителей других конфессий — все это приводит к изменению международных отношений. Государство и нации должны быть подготовлены к будущей смене парадигм. Реализация данного сценария, возможно, приведет к образованию новой наднациональной общности в России.

Рассмотренные моменты характеризуют ситуацию не только в национальных республиках, но и в стране в целом. Надо четко понимать, что нельзя построить или возродить супердержаву только на сырьевой игле, на экономической эксплуатации нескольких регионов-доноров. История показала, что были и есть сырьевые колонии, но нет сырьевых супердержав. Исключение составляла Россия XIX–XX вв. Однако уже в XX в. Россия стала одним из индустриальных лидеров в мире, что в сочетании с огромными природными и людскими ресурсами делало ее уникальной саморазвивающейся державой. Возможно, что эти обстоятельства и вызвали положительную оценку Запада на демонтаж советской системы и развал СССР на отдельные национальные государства, развал общей «кровеносной системы», питающей все национальные республики, что по мнению многих людей является самой большой катастрофой XX в.

События последних лет говорят о том, что решение национального вопроса наряду с повышением благосостояния народов и должно составлять основную национальную идею России, национальную концепцию — сохранение России как государства.

Национальная политика многонационального государства

В.Н. Лексин, доктор экономических наук

Обсуждение не только конкретного содержания современной национальной политики, но и ее базовых понятий: «нация», «национальные отношения», «национальные конфликты» часто ведется вполголоса, поскольку национальная проблематика необъяснимым образом зачислена в разряд «деликатных». Слишком долгое время интернациональная

стыдливость российских обществоведов приводила к тому, что практически все составляющие национальных отношений относились к числу «необсуждаемых сюжетов», якобы по умолчанию и так всем понятных. Серьезнейшие проблемы, возникавшие на национальной почве, выдавались в основном за местные, частные и малозначащие конфликты (исключение составляли, пожалуй, только депортации времен Великой отечественной войны и двухсотлетние гонения на евреев, особенно при советской власти). При этом как бы забывалось, что категория национальных отношений намного шире категории национальных конфликтов.

По моему убеждению, национальное входит в число неотчуждаемых ценностей каждого человека, а национальные идеалы не менее важны для людей, чем идеалы моральные. Как эти ценности используются в политике — это уже другой вопрос. Но для каждого разумного человека, знающего свою историю, национальность значит очень многое. Более того, с моей точки зрения, ее можно рассматривать как последнюю ценность, которая позволяет сохранять хотя бы некоторые основания разнообразия государств и других сообществ в период глобализации. Не исключено, что национальность может оказаться последним оплотом в идентификации человека.

По этому поводу есть разные мнения. Часто можно услышать, как высокопоставленные люди, известные и в науке, говорят, что национальный вопрос — это не более чем «игрушки для политиков», что понятие нации, этноса второстепенно. Жизнь, однако, доказывает обратное. В советское время, когда на территории единого государства уживались 120 национальностей (это число только тех народов, которые были учтены статистикой), общность советского народа действительно существовала и национально-государственные скрепы были весьма крепки. На чем они основывались? С моей точки зрения, на трех основополагающих позициях.

Тот, кто бывал в советское время в Татарстане, в Башкортостане, в других союзных республиках, мог увидеть, что все

должности первого, а часто и второго эшелона власти были заняты людьми так называемой «титульной» национальностью. Это было обязательной нормой, которая создавала у людей «титульной» принадлежности ощущение национальной значимости, было неким признаком внешнего уважения народа, и такое уважение в какой-то степени подтверждалось тем, что человек определенного роду-племени становился начальником цеха, директором завода, секретарем райкома или Центрального Комитета партии.

Вторым стабилизатором советского национального равновесия были деньги. Единый государственный котел распределялся по республикам, по отдельным национальным «окраинам» отнюдь не равномерно. На восстановление Прибалтики сразу после войны пошло гораздо больше средств, чем на восстановление значительно больших и полностью разоренных территорий центральной России. Разница между этими регионами стала очевидна сразу: в прибалтийских республиках были хорошие дороги, благоустроенные города, а послевоенные разрушения, которых и не было почти, были мгновенно ликвидированы.

В-третьих, проходило массированное наступление хорошо подготовленных культурных достижений всех союзных республик на благодарное поле русской культуры, а через него — и во всесоюзное, да и в мировое культурное пространство. По такому сценарию, например, фильмы Литвы и Грузии получали многомиллионного зрителя, а книги — многомиллионного читателя. Причем книги прекрасной прозы и отличных стихов русских писателей и поэтов зачастую ожидали, пока в государственных российских издательствах не будет пропущен вперед томик из национальных союзных республик, переведенный ожидающими своей очереди. Да и ни одно присуждение пакета Сталинских, Ленинских, а затем и Государственных премий не обходилось без того, чтобы лауреатами не стали люди из «угнетенных окраин». Это была абсолютно правильная национальная политика. Плохо

было то, что из сферы этой политики полностью выпадала русская культура и в определенной степени культура народов, которым были даны национальные автономии на территории РСФСР.

Что происходит сейчас на оставленном современной Россией обломке Советского Союза? Внешне то же самое, но в более грубой форме и без какого-либо намека на культурный взаимообогащающий обмен. Третью субъектов Российской Федерации названы по национальному признаку, а Татарстан, Башкортостан, Удмуртия, другие национальные республики, в отличие от областей и краев, в соответствии с Конституцией гордо называются государствами. Линия определенного разделения и отмежевания от основной массы русского народа присутствует сегодня в кадровой политике едва ли не каждого из этих государств. Что сегодня происходит со второй позицией — с деньгами? Приведу несколько цифр: на каждого гражданина России приходилось в 2010 г. по 5000 руб. средств из федерального бюджета в виде самых разных трансфертов. Теперь те же показатели по Северному Кавказу: Ставропольский край — 6000 руб. на человека в год, (что не удивительно — там живут русские люди). Республика Северная Осетия — 12000; Кабардино-Балкарская Республика — 12 900; Карачаево-Черкесская Республика — 13 600; Республика Дагестан — 14 800; Чеченская республика — 48 200. На одного чеченца приходится в 10 раз больше средств федерального бюджета, чем на жителя России как такового, а всего на Северном Кавказе приходится в 6 раз больше общегосударственных средств на душу населения, чем в Центральной России, на Дальнем Востоке, в Сибири и т.д.

Не удивительно, что самым благоустроенным, самым шикарным городом в России становится Грозный, не удивительно, что в селах Чечни вырастают только кирпичные дома. Все это преподносится как некая компенсация за боевые действия на территории Чечни, но при этом ни один русский человек, который был вынужден покинуть республику

во время так называемых этнических чисток Дудаева, не получил ни рубля компенсации за свое брошенное жилище, за своих поруганных женщин. Эта национальная политика «двух стандартов» очень и очень опасна.

Все больше так называемых национально окрашенных территорий становятся мононациональными. Чечня, конечно, лидер в этом списке, русские в этой республике — это либо военнослужащие, либо строители. Но ведь всем понятно, что на моноэтнической территории многонационального государства у людей нет возможности понять, что значит жить в полиэтнической среде. Поэтому, выходя за пределы своего маленького общества, они начинают чувствовать и, главное, вести себя по-другому.

Так называемые межнациональные и национальные конфликты возникают по одному из двух оснований: одна сторона либо чувствует себя чрезвычайно униженной, либо считает другую совершенно никчемной. Сегодня самой униженной стороной из всех народов нашей страны являются коренные русские люди. Достаточно посмотреть на карту современной России с точки зрения социально-экономической обустроенности регионов. Самые бедные и разоренные территории — это исконно российские земли. Там представители других народов не видят в русских людях угнетателей, но сами русские словно стесняются говорить о равноправии людей разных национальностей, боятся выступать в защиту своих национальных интересов, опасаясь прослыть русскими шовинистами или националистами. К тому же у русского народа абсолютно нет национальной солидарности — она выкорчевана из нашего сознания. Татарин или калмык постарается оказать посильную помощь «соотечественнику». Русский же человек вряд ли будет помогать ближнему только потому, что тот одной с ним национальности. Русская национальная солидарность практически разрушена, а любые попытки ее воссоздания даже на местном уровне воспринимаются отечественными и зарубежными СМИ как нарушение прав других народов.

Мне кажется, что основание разумной национальной политики в России должно было бы начинаться с восстановления равного статуса разных народов и этносов, которые проживают в России, и в первую очередь с восстановления права на институциональное закрепление национальной идентичности системообразующей нации нашего государства — русского народа. Если это не произойдет, поле межнациональных конфликтов будет только разрастаться, с русскими будут конфликтовать как с нацией никчемной, не солидарной внутри себя, безвольной и бесперспективной. Не хотелось бы думать, что в этом и заключается наша национальная политика.

Принять на себя ответственность за свое прошлое и будущее

М.В. Вилисов, кандидат политических наук

Мы сами должны осознавать, что мы как общность, как народ ответственны за свою историю, за то, что с нами происходило. Недавно я видел результаты референдума, проходившего в СССР по поводу его сохранения. Показательно, с одной стороны, было прямое волеизъявление. Порядка 80% населения в целом в СССР поддержало идею необходимости этого государства практически за год до его распада. Что характерно, в России, Украине, Белоруссии были самые низкие показатели в поддержку сохранения единого государства. Самые высокие были в Средней Азии и отчасти на Кавказе. Та кривая, связанная с ростом потребления, которую приводил Сергей Георгиевич, на мой взгляд, как раз отражает подспудные и, может быть, неосознанные желания и потребности тех людей, которые молчаливо сдали свою страну, пусть даже и голосовали за ее сохранение, потому что в воздухе витала

мысль о том, что мы «кормим все эти республики, вот бы их отделить». Конечно, доля этих людей была мала, но они победили, они смогли взять власть и удержать ее.

Говоря о предыдущих опытах сборки нации, которые относились к советскому периоду, можно сказать, что нация строилась сверху. Сейчас наверху оказались те люди, которые конструктивным строительством не занимаются. Опыта строительства нации снизу в нашей стране просто нет, поэтому противостоять негативным процессам не имея доступа к власти действительно можно с использованием каткомбных сетевых технологий. Но одни ли мы столкнулись с такими проблемами после демонтажа нашего большого государства? Нет, все страны бывшего СССР вынуждены решать такие же проблемы. В них, безусловно, есть и конструктивный опыт решений этих проблем, так же, как есть он и в российских регионах. Сергей Георгиевич сказал, что национальные регионы оукливаются, но они таким образом сохраняют и культуру, и производственные силы, и поддерживают свою идентичность. Действительно, там совсем другое отношение и к будущему, и к настоящему. Если посмотреть на Казахстан, который столкнулся с намного более серьезными вызовами как самостоятельная государственность, то он сумел сформировать собственную идентичность, которая не остановилась на создании национального государства, но и распространяет свою энергетику дальше, на создание Таможенного союза. То есть Казахстан является примером успешного конструктивного строительства.

Говоря о том, что от нас в мире многого ждут, — мне кажется, что так было раньше, сейчас уже и не ждут. Мы сами можем являться причиной этого, в том числе тем своим поведением 20-летней давности, той политикой, которую мы сейчас реализуем, причем не только на уровне государства, но и на уровне социальных групп или сформировавшихся сетей. Получается, что выходом является в том числе и признание собственных ошибок, и взятие ответственности на себя, с тем

чтобы эту ответственность проецировать уже на будущее, на конструктивный подход. Таким образом, возможно объединить те молекулярные движения, которые происходят на уровне локалитетов, успешных регионов или наших соседей, чтобы нащупать, сформировать и предложить ту самую проектность, которую все сейчас ждут. Спасибо.

Идеологические дискурсы и возрождение России

*Д.Н. Замятин, доктор культурологии,
кандидат географических наук*

Хочу поблагодарить докладчика за обширный доклад. Спектр вопросов был действительно максимальным, что, на мой взгляд, могло повлиять на степень глубины их освещения.

Некоторые вещи, о которых говорилось, давно существуют в дискурсах, связанных с нациями и национализмом. Многие неоднократно говорили о дискурсе воображаемых сообществ, и тут ничего не поделаешь — он действительно необходим в нашу эпоху. Но и сама нация — это проект. Когда он начался — мы знаем, а когда закончится — непонятно. С дискурсом наций и национализма связан определенный идеологический и образный инструментарий, который надо учитывать в попытках строительства наций.

Для меня есть несколько дискурсов, которые становятся очевидными. Первым я могу выделить дискурс восстановления или возрождения, когда нация или территориальное сообщество как бы встает из пепла, пытается нарастить собственную, когда-то утраченную идентичность. Второй дискурс — дискурс трансформации, когда нация, народ, сообщество испытывают сильнейшие стрессы и дискомфорт в условиях внешнего политического, идеологического, куль-

турного, экономического давления. В этих условиях сообщество вынуждено искать адекватные ответы подобным вызовам в духе концепции Тойнби, пытаясь меняться в сторону большей устойчивости и жизнеспособности. Такой дискурс очевидно является реактивным. Третий дискурс назовем дискурсом расширения и экспансии, когда нация активно распространяет свои ценности — духовные, идеологические, культурные — вовне, расширяя цивилизационную территорию своего влияния (здесь мы все видим пример США). Наконец, четвертый дискурс — это дискурс сжатия, которым обозначается временный или окончательный упадок сообщества, уменьшение зоны его культурного и идеологического влияния. В случае постсоветской России для нас выходят на первый план дискурсы сжатия и восстановления. Мне кажется, что в сегодняшнем докладе доминировал дискурс восстановления, имеющий явные советские обертоны. На мой взгляд, сейчас это не самый перспективный дискурс для нашего сообщества. Более необходимым, хотя и довольно мучительным, для современной России мне представляется дискурс трансформации.

Мне кажется, что подобная дискуссия имеет право на существование. Вспомним, что Римская империя до сих пор существует в умах, спустя более 1,5 тысяч лет после своего падения. Священная Римская империя как идеологическое продолжение «имперско-римского проекта» также существовала около тысячи лет. Более того, идеология Римской империи сейчас возрождается в идеологии Европейского сообщества и единой Европы¹. Это очень важный проект, который является неким противопоставлением имперскому размаху США. Мы видим, что идеологический дискурс возрождения тем не менее не бесполезен.

Самый «убыточный» дискурс — это дискурс сжатия, который мы имели после распада СССР. Но нужно понять, что в условиях идеологического распада всегда находят-

¹ См., например: *Каччари М.* Геофилософия Европы. СПб.: Пневма, 2004.

ся, формируются социально-политические и политико-экономические группы, ориентированные на получение и фиксацию своих частных идеологических и экономических «прибылей», не связанных прямо с общей ситуацией идеологического брожения и упадка. Это мы и наблюдаем в постсоветской России почти 20 лет. Дискурс трансформации, как правило, зависимый дискурс, связанный с тем, что какие-то сообщества, которые испытывают когнитивный диссонанс, либо пытаются занять эту идеологическую возможность, либо переосмыслить себя как сообщества. Повторюсь: на мой взгляд, мы находимся сейчас именно в этой стадии. И еще немного о наиболее благодатном дискурсе — дискурсе расширения, экспансии. Он связан с воображаемым сообществом не только экономическими, но идеологическими связями, в том числе в большой мере потенциями гуманитарными. Хотел бы заметить по поводу СССР, что при всех преимуществах, которые были тогда, в советскую эпоху, следует говорить о том, что все 70 лет жизни Советского Союза были годами гуманитарного вырождения. Поддерживалась только научно-техническая мысль, связанная с обороной, военно-техническим потенциалом. Каждое следующее советское поколение было гуманитарно убыточным, сильно уступающим предыдущему. Запад нас не уважал именно за отсутствие собственной гуманитарной науки, гуманитарного знания и т.д. Это одна из проблем, которая «подломила» Советский Союз и которую нам надо решать в связи с проблемой организации современного образования.

Идентичность — это всегда компромисс. И нация — тоже. Не так давно я читал книгу о том, как воцарилась династия Романовых в 1613 г². Тогда были большие переговоры, большие компромиссы, в том числе идеологические. В один момент хотели посадить польского королевича Владислава, и был момент, когда он чуть не согласился принять право-

² *Морозова Л.Е.* Россия на пути из Смуты. Избрание на царство Михаила Федоровича. М.: Наука, 2005.

славие, что было главным условием для его царствования. Но этого не случилось, а случились Романовы, чей приход к власти был связан с постоянным процессом и политических переговоров, и компромиссных идеологических.

Нам надо помнить, что наша постсоветская Россия в лице практически всех ее социальных страт сейчас неконструктивна, с довольно низким в целом уровнем образования, идеологически расколота, корпоративная, но пока еще сохраняется некий условный цивилизационный, культурный фундамент, сохраняются некоторые духовные ценности. Если мы будем пытаться нарабатывать четкие когнитивные рамки для каждой такой культурной или духовной ценности, которые можно плодотворно обсуждать, то можно будет говорить и о целенаправленном движении в сторону дискурса цивилизационного расширения. И очень правильно Владимир Николаевич Лексин сказал сегодня о региональных культурных ценностях, которых мы не знаем. Мне часто приходится ездить по России, и я вижу, что там много людей, которые действительно являются пассионарными. Для небольшого города бывает достаточно 2–3 таких людей, и если они объединяются, то город поднимается.

На самом деле мы можем уверенно говорить о том, что сейчас в Европе постепенно формируется (с большими оговорками и трудностями) европейский национализм. А основной идеологический стержень, вокруг которого стоит объединиться российским элитам, — это евразийство, но евразийство умеренное, ориентированное на образ и концепт *Северной Евразии*. Это стоит обсуждать, и это очень интересная и перспективная тема. Спасибо.

Предпосылки этнического национализма

Н.Н. Клюев, доктор географических наук

Докладчик сфокусировал внимание на *гражданском* национализме, я же хочу сделать упор на тех процессах, которые способствуют формированию и развитию *этнического* национализма. Ведь очевидно, что «позитивному» — по С.Г. Кара-Мурзе — нациестроительству деструктивный этнический национализм, мягко говоря, не содействует.

За 1990–2009 гг. прирост численности населения показали лишь 20 регионов России, 13 из них — это национально-территориальные образования, в том числе все республики Северного Кавказа. Причем наивысший относительный прирост населения зафиксирован в Ингушетии (269,3%) и Дагестане (146%), тогда как российский индекс составил 95,7% (Тверская обл. — 81,8%, Псковская обл. — 81,7%)¹. Как видим, на фоне общероссийской депопуляции население в национальных республиках растет, причем в ряде северокавказских республик очень существенно.

Для нациестроительства в России, очевидно, особое значение имеет доля в населении государствообразующей нации — русских. Если признать, что русские — цементирующая страну нация, то по мере сокращения связующего элемента связанность страны уменьшается. На мой взгляд, несмотря на формирование новой государственности Украины и Белоруссии, украинцев и белорусов в России также правомерно считать «корневыми» российскими национальностями в силу их культурно-исторической близости к русским.

Как уже справедливо отметил В.Н. Лексин, интенсивно идет процесс «вымывания» русского населения из национальных образований. Остановлюсь на этом чуть подробнее. За период между переписями 1989 и 2002 гг. доля русских, укра-

¹ Рассчитано по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010 / Федеральная служба гос. статистики. — СД.

инцев и белорусов уменьшилась в 28-и из 32-х национально-территориальных образований (исключение составили Еврейская АО, Коми-Пермяцкий АО, Удмуртия и Карелия; административно-территориальное деление по состоянию на 2002 г.). Но если в таких республиках, как Марий Эл, Мордовия, Чувашия их сокращение составило 0,1–0,2%, то в Татарстане и Башкортостане — 4,1 и 3,5% соответственно, а в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии — 7,7–9,7%. Особенно сильно доля восточных славян уменьшилась в Чечне и Ингушетии. В Чечено-Ингушской АССР в 1989 г. она составляла 24,1%, а в Чечне в 2002 г. — 3,8%, в Ингушетии — 1,2%². Правда, «исход» русских с Северного Кавказа начался уже в 1970-е годы (в 1970 г. их доля, например, в Чечено-Ингушской АССР составляла 32,7%).

Очень велики в России межрегиональные различия по демографическим параметрам. Естественный прирост населения колеблется от –12‰ в Тульской области до +22,4‰ в Чеченской Республике (2007 г.). В период 1990–2007 гг. кардинальные различия в естественном приросте населения между центрально-русскими областями и северокавказскими республиками сохранились — в первых он устойчиво отрицательный, во вторых — положительный. Разность в естественном приросте населения между пятью регионами-лидерами и пятью аутсайдерами выросла с 20,8 в 1990 г. до 24,5 в 2007 г.

Различия в воспроизводстве населения обусловили, в частности, и различия в его возрастном составе (таблица 1)³. Все самые молодые российские регионы — это удаленные от центра национальные республики и округа. Старое

² Изменения национального состава рассчитаны по данным: Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. — М., 1990. Всероссийская перепись населения 2002 г. / Федеральная служба гос. статистики. — CD.

³ Таблицы 1–4 составлены по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008 г. / Федеральная служба гос. статистики. CD.

население концентрируется в столицах и русском историческом ядре — в Московской, Тульской, Рязанской и других областях.

Таблица 1

Население моложе трудоспособного возраста в некоторых регионах России (‰), 2007 г.

10 самых «молодых» регионов		10 самых «старых» регионов	
Чеченская Республика	32,9	г. Санкт-Петербург	12,3
Республика Ингушетия	29,9	г. Москва	12,4
Республика Тыва	28,7	Тульская область	13,1
Республика Дагестан	26,2	Ленинградская область	13,2
Агинский Бурятский АО	25,7	Московская область	13,6
Усть-Ордынский Бурятский АО	24,7	Рязанская область	13,6
Республика Алтай	23,6	Ивановская область	13,7
Республика Саха (Якутия)	23,3	Воронежская область	13,8
Ненецкий автономный округ	22,0	Смоленская область	13,8
Чукотский автономный округ	21,6	Ярославская область	13,9

Среди «десяти первых» регионов РФ по ожидаемой продолжительности предстоящей жизни (в 2007 г.) семь — это национально-территориальные образования, в том числе шесть — республики Северного Кавказа, а лидируют в этом списке с большим отрывом Ингушетия, Чечня и Дагестан⁴.

Таким образом, уже через четверть века Россию ожидают серьезные подвижки в этническом составе населения (которые особенно заметны на южных и восточных окраинах страны). Конечно, эти подвижки являются лишь косвенной угрозой целостности России, но для ее устранения требуется широкий комплекс мер по действительному включению республиканских этносов в российский социокультурный контекст. Можно сказать, что по демографическим показателям

⁴ Подробнее см.: *Клюев Н.Н.* Российские межрегиональные контрасты в глобальном контексте // *Вестник РАН.* Т. 81. № 2, 2011. С. 99–110.

в рамках России объединены Гамбия и Великобритания. Гармоничное сосуществование столь разных «культурных миров» требует специальных усилий средствами региональной демографической политики.

Если по демографическим параметрам национальные республики, в особенности северокавказские, как правило, являются лидерами, то по экономическим показателям картина обратная (таблицы 2–3).

Таблица 2

10 российских регионов с наименьшими показателями душевого ВРП

Регионы России	Долларов на человека в год, 2007 г.
Республика Ингушетия	1640
Чеченская Республика	2340
Республика Калмыкия	4012
Республика Дагестан	4192
Кабардино-Балкарская Республика	4396
Республика Адыгея	4448
Ивановская область	4502
Республика Тыва	4504
Карачаево-Черкесская Республика	4950
Республика Алтай	5108

Таблица 3

10 самых неблагополучных регионов по отношению среднедушевых доходов к прожиточному минимуму, 2007 г.

Регионы России	%
Усть-Ордынский Бурятский АО	117,6
Республика Калмыкия	170,5
Республика Ингушетия	173,3

Окончание таблицы 3

Регионы России	%
Республика Тыва	192,8
Республика Алтай	194,9
Ивановская область	199,8
Республика Адыгея	207
Амурская область	215,4
Республика Мордовия	225,4
Еврейская автономная область	227

Крайне неблагоприятной тенденцией выступает усиление территориальных различий по уровню безработицы⁵. Эта негативная тенденция не преодолена и в «позитивные нулевые» годы. Отношение максимума к минимуму по регионам в 1995 г. равнялось 7,9 раза, в 2001 г. — 15,9, а в 2007 г. — 66,3 раза. Но велики различия не только экстремумов (процветающей Москвы и послевоенной Чечни). Различия между отнюдь не столь преуспевающей экономически Тульской областью и невоевавшей Тывой тоже впечатляют — 2,6% против 17,1% (6,57 раз) — таблица 4.

Таблица 4

Уровень безработицы в некоторых российских регионах в 2007 г., %

10 самых неблагополучных регионов		10 самых благополучных регионов	
Чеченская Республика	53	г. Москва	0,8
Республика Ингушетия	47,3	Московская область	2,0
Республика Дагестан	20,2	г. Санкт-Петербург	2,1
Карачаево-Черкесская Республика	18,3	Челябинская область	2,5

⁵ При этом общий уровень безработицы в стране снизился с 10,6% в 2000 г. до 6,1% в 2007 г.

Окончание таблицы 4

10 самых неблагоприятных регионов		10 самых благополучных регионов	
Кабардино-Балкарская Республика	17,6	Тульская область	2,6
Республика Тыва	17,1	Ямало-Ненецкий АО	2,7
Республика Калмыкия	14,4	Липецкая область	2,8
Республика Бурятия	12,9	Костромская область	3,3
Республика Адыгея	10,3	Калининградская область	3,4
Читинская область	10,1	Ярославская область	3,4

По уровню безработицы в стране ожидаемо лидируют северокавказские республики. Несомненно, на этом сказывается высокая степень самозанятости населения в личных подсобных хозяйствах, высокая развитость теневого сектора, а также отчасти и желание трудиться именно в этих сферах. Региональные программы формирования новых рабочих мест должны учитывать и эту склонность местного населения. С позиций территориальной целостности страны чрезвычайно важно, что высокой безработицей поражены национальные окраины страны (в списке из десяти самых «безработных» — девять национально-территориальных образований, в том числе семь северокавказских плюс Калмыкия).

Таким образом, отмеченные сдвиги на этно-экономических картах России — гомогенизация национального состава населения республик, рост в них численности жителей с резким увеличением доли молодых возрастов на фоне усиливающей бедности и безработицы — формируют предпосылки роста этнического национализма. Их нельзя не учитывать при обсуждении проблемы строительства российской гражданской нации.

Роль государства в консолидации социальных общностей

Ю.А. Тихомиров, доктор юридических наук

Считаю необходимым коснуться актуального сюжета. Сейчас Правительство РФ на базе ВШЭ образовало ряд экспертных комиссий. Я попал в 14-ю экспертную комиссию, у которой следующее название — ограничение присутствия государства: сужение функций, лицензирование и т.д. Когда я задал вопрос, мне сказали, что все уже утверждено. И получается, что государство — «чужак», государство — «негодяй», государство «мешает», словом, все что хотите. Рассуждают: чем меньше будет площадка у государства, тем спокойнее и счастливее будет жить человек и работать бизнес.

Сейчас сформировалась поразительная концепция, когда делается то, что через 20 лет не изменится и будет таким же, как сегодня. Готовятся поправки в «Стратегию-2020». Разные корректировки вносит и Минэкономразвития, которое уже разработало проект концепции развития до 2030 г. Но в них почти ничего нет из того, о чем мы сегодня говорим. В документах есть какое-то «единичное» измерение: человек получает 2 услуги, потом 4, далее 6, касается ли это школы, университета или медицины.

Допускается потеря главного измерителя — того, что сегодня показал докладчик — потеря очень важной философской установки. Обратите внимание, страна разрушалась по разным причинам, но главное — пытались доказать, что марксистская теория в целом — это философия массы, народа. А где же человек? Теперь акцент делается только на положение личности. Сформировалась позиция, которая при ее сохранении и дальше будет представлять нашу жизнь в одностороннем виде. «Стратегия-2020» с поправками будет программой будущего развития страны, но

в ней почти ничего нет о социальных общностях как среды человека.

Отчего так происходит? Мне кажется, действительно утвердилось и в обыденном сознании, и на уровне высокой абстракции представление о том, что концепция индивидуализма и либерализма наиболее целесообразная. Люди подержали ее. Но каковы результаты? Заметьте, что Патриарх Алексий и Патриарх Кирилл, к моему большому удивлению, сказали, что идеология либерализма устарела, что рыночная экономика создает, говоря современным языком, деструкцию поведения, экономического и социального. И ведь ничего конструктивного наука взамен не предложила.

Нужны современные и открытые оценки. Юридическая наука за последние 20 лет стала очень популярной. Но если взять тысячу публикаций по юридической тематике, то из них не менее 990 будут посвящены праву — гражданский кодекс, уголовный кодекс, налоговый кодекс и т.п. Но ведь акты — нормы — как бы «размельчают» поведение в обществе до единичных действий человека. Если раньше была популярной государствоведческая тематика, то теперь почти нет монографий о государстве, о публичной власти. Вскоре у меня выходит статья под названием «О новом духе законов, или прощай, Монтескью». Ведь устройство и функционирование власти стало более сложным. Само государство давно интерпретируется чисто в негативном плане. И наука этому подходу потакает. Мне кажется, что в научном плане данная задача должна быть решена, иначе государство не тождественно власти и представляет собой мощную политико-управленческую систему со своими элементами, включая правовое регулирование. Признаюсь, что мне с трудом удалось переубедить Ученый совет нашего Института провести в конце мая VI международную школу-практикум, куда приезжают молодые юристы России, СНГ и других стран, не по правоведческой тематике, а по теме «Государство в меняющемся мире». Этот сюжет очень ва-

жен, поскольку государство есть прежде всего публичное объединение граждан.

Из ошибочных представлений о государстве как о чем-то чуждом и неприятном трудно понять, как же государство должно реально действовать сегодня и завтра. Совет Федерации РФ в лице одного из комитетов 5 лет назад готовил концепцию национальной политики и развития федерализма. И что там было? Разграничение полномочий по уровням власти: это «ваше», а это «наше»... Заметьте, что разграничение полномочий в федерации между верхним, средним и нижними уровнями — это самый популярный сюжет. И он стал каким-то магическим элементом для федерации, которую все время перекраивают. А вспомните 90-е годы, когда государство почти потеряло устойчивую федеративную ось в своем существовании. И все что происходит сейчас, — это привычный предновогодний закон о перераспределении полномочий. Ничего толкового не получилось, нет никакой стратегии, ни доктрины, ни концепции. И поэтому национальные аспекты почти не встроены в ту коррекцию «Стратегии-2020», которая сейчас на наших глазах корректируется.

Рассмотрим проблему с точки зрения законодательства. Первоначально республики и области действовали по формуле: берите суверенитета столько, сколько хотите. Брели не только суверенитет, но и многое другое. Это привело к тому, что законодательство субъектов РФ стало многоцветным. В этом было много плюсов. Потом субъектов РФ жестко заставили работать одинаково. Я часто бываю в регионах. На мой вопрос: «Что вы делаете?» в законодательном собрании отвечают: «У нас есть маленькая компетенция. И можем реагировать преимущественно на поправки в федеральные кодексы». У нас некоторые кодексы менялись по 100–150 раз за 8–10 лет существования.

Но ведь субъект федерации — это тоже титульная нация, это сообщество маленьких народностей, которые там жи-

вут. Какое же здесь самоопределение? Местное самоуправление имеет жалкий вид, и муниципальная реформа привела к сложной ситуации. Но вспомним М. Бакунина, который смело ругался с К. Марксом. По его логике страна должна создаваться снизу-вверх, а не сверху-вниз. Такое предложить сейчас довольно сложно. Вспомним, что у нас и в первые годы Советского государства Съезды Советов были не жестко организованными.

Государство в законодательстве также теряет национальный аспект. Находим утешение и спорим: нужен ли федеральный закон о национальной политике. Но слабо отражен этот аспект в других законах.

Мне кажется, что институты гражданского общества просто капитулировали в сфере национальных отношений. Главный удар по национальному сознанию наносят СМИ и телевидение прежде всего. Творческие союзы «дерутся» между собой и внутри себя. Профессиональные союзы беднеют (я о традиционных профсоюзах), отраслевые объединения действуют в сугубо профессиональном аспекте. Сейчас все вспоминают саморегулируемые организации и что удалось взять старт. Мне кажется, что институты гражданского общества робеют и никак не могут понять, как сформировать общности людей — профессиональные, территориальные, национальные.

У нас, ученых, есть возможность не только проектировать и рассуждать в рамках семинаров, но и включиться в разработку сюжетов власти и управления. Площадки открыты для Стратегии-2020, что позволяет нам выступить более активно. Ведь сложившиеся и меняющиеся социальные общности создают для человека естественную среду, и в каждой из них он играет свои социально-правовые роли. И целесообразны усилия государства по преодолению изолированности людей и консолидации их жизни и деятельности внутри гармонично развивающихся социальных общностей.

Полюса науки и пропаганды: в чью пользу выбор?

А.И. Соловьев, доктор политических наук

Прежде всего я бы хотел обратить внимание на то, что поставленная сегодня проблема гораздо шире того, о чем сегодня говорил автор. Поэтому я кратко выскажусь и по самой проблеме, и по тексту доклада. Начнем с теории. Все вы, наверное, поняли, что Сергей Георгиевич сторонник конструктивистского подхода в отличие от примордиалистского. Однако надо иметь в виду, что на практике — а не в теоретическом дискурсе — эти парадигмы не так уж сильно различаются, ибо конструктивизм всегда ставит вопрос об определенных предпосылках формирования национальных образований, что, собственно, и позволяет включать в объяснение этих процессов некие естественным образом сложившиеся общественные условия. То есть примордиализм не исключает формирования гражданской нации, и именно примордиалист М. Вебер является основоположником этой традиции в объяснении культурной динамики нации. Другими словами, соотношение конструктивизма и примордиализма напрямую не в состоянии объяснить взаимодействие гражданской и мультиэтнической нации. Если посмотреть на опыт современной Германии (чьи ученые, собственно, и сделали решающий вклад в становление примордиалистской традиции), то можно увидеть, что ее попытка создания мультикультурного сообщества как раз и является разновидностью (конструктивистского по сути!) формирования гражданской нации на базе центрально-европейских традиций. И хотя в этом процессе еще много проблем, эта попытка сознательного конструирования взаимоотношений коренного и пришлого населения убедительно свидетельствует о том, что эта задача не может быть решена без учета мен-

тальных особенностей и той и другой частей гражданского общества. Думаю, поэтому в практике нациестроительства следует больше руководствоваться идеями хабитуса, то есть ориентирами медленного привыкания людей к инокультурным, заимствованным ценностям, стандартам и нормам общежития.

Другими словами, надо понимать, что конструктивизм как государственная стратегия нациестроительства возможен только при определенных условиях и на столь же определенных этапах развития самого государства. Ведь здесь уже справедливо говорилось о том, что нация — это продукт становления определенного типа государства, той организации, которой потребовалось определенная внутренняя интеграция населения. (Хотя при этом надо помнить и то, что в России государство породило нацию, в то время как на Западе этногенез предшествовал формированию национального государства. Напомню попутно и о том, что, строго говоря, гражданские основания социума были выработаны во время зарождения не национального государства, а протогосударства (империума) по мере замещения персональных статусными основаниями правления.) И потому я полностью согласен с Замятиным, что во многих государствах проект под названием «нация» практически уже не работает. Ибо, как вы понимаете, государство в этих странах находится на совсем иных рубежах развития. В соответствии с этой идеей развития государства нам надо видеть и то, что в нашей стране хотя и преобладают проблемы, связанные с межэтнической тематикой, но это далеко не те проблемы, с которыми, к примеру, сталкивается Индия, где более 500 этносов, или Камбоджа, где более 600 таких образований. А ведь есть африканские страны, где существует более 900 этносов. Все это я говорю к тому, чтобы можно было уточнить повестку этого нациестроительства применительно к нашему государству.

Думаю, что Россия все еще стоит перед задачей превращения географического пространства Евразии в территорию,

превращения этносов и многочисленных групп в население одной страны. И этот процесс достижения внутренней идентичности граждан, их интегрированности в единое социальное целое, взращивания совместности и солидарности — это процесс одновременно и социокультурный, и политический. И думаю, что политический — в первую очередь. Пока наши власти не научатся уважать своих граждан, ждать какого-то культурного сплочения общества бесполезно. Причем, если в одной стране дефицит уважения со стороны государства (и, как следствие, внутренней интеграции общества) заставляет людей выходить на баррикады и протестовать против режима, который мешает им развиваться, то у нас люди едут в Шереметьево-2 и улетают из страны, потому что их не устраивает отношение государства к их правам, возможностям, к их жизни, наконец.

Поэтому я не случайно спрашивал автора о различиях между Отечеством и Родиной. Родина есть у всех (хотя бы Малая Родина, где человек родился и вырос), а вот Отечества могут быть разными. К примеру, люди, которые уехали из страны и прижились в совершенно иных культурных ареалах, считают своим Отечеством Францию или, скажем, Китай. А сегодня к этим внутренним дилеммам идентификации личности добавляются и возможности трансграничных перемещений в глобальном мире. Поэтому наше государство должно принципиально изменить свой подход к человеку, его гражданским правам и свободам. Иначе никакой единой российской «нации» в стране так и не сложится, и культурный диалог наши соотечественники будут вести на других географических территориях.

Мне однажды попала книга с очень интересной идеей: главным инструментом вечного процесса идентификации объявлялся так называемый демонстрационный эффект, то есть наличие примеров, достойных для подражания и притягательных настолько, что люди начинают пересматривать свои принципы и модели жизнеустройства. Ведь люди не

дураки, они прекрасно видят, где, кто и как живет, и тратить время на ожидание прогресса со стороны своих правительств им совсем не хочется. А большинству не хочется тратить свою жизнь на борьбу с властью. Причем люди думают не только о себе, но прежде всего о детях, и поэтому проектируют свое местонахождение в связи с их перспективами. Лично я могу понять бывших москвичей, которые приезжают в Москву отдохнуть душой, поностальгировать, но которые уже никогда не будут здесь жить и тем более заставлять жить своих детей в условиях правовой несправедливости, катастрофического социального раскола, коррупции и полицейского государства.

Так что если принимать эти факты во внимание, то и вопрос о национальном строительстве в современной России надо было ставить иначе, то есть не апеллируя исключительно к прошлому опыту, а трезво глядя на актуальные реалии. А если возвращаться к теоретическим основаниям анализа, то следовало бы четко сказать, что (даже в русле откровенно конструктивизма) если государство и может вмешиваться в какие-то национальные процессы, то может это делать только частично и, повторяю, на условиях совершенствования политического пространства жизнедеятельности граждан. Другими словами, неудовлетворительное состояние нашей политической системы и есть тот (примордиалистский) фактор, который корректирует любые усилия властей по усилению внутренней сплоченности общества и интегрированности различных этносов.

В докладе, правда, есть намек на наличие своих примордиалистских предпосылок, или на наличие неких скрепляющих россиян ценностей. Но если учесть (не говоря об идеологических, ментальных, региональных, конфессиональных, территориальных и прочих социокультурных разломах российского общества) тот процент населения, который пополняется из Средней Азии и даже из африканских стран, то есть тот факт, что в стране формируется по сути

совершенно другая популяция, то с этой мыслью надо как-то специфически обходиться. К примеру, какое у китайцев, которые приехали сюда зарабатывать, может быть уважение к российским традиционным ценностям? Понятно, что нет у них этого, но они становятся де-факто составной частью населения, то есть этносом, который так или иначе будет участвовать в ценностном диалоге. И их ценности — это предпосылка формирования, но не показатель внутренней сплоченности общества.

Все сказанное должно показать, что теоретически нельзя покрывать всю сложную тематику национально-государственного строительства единым концептом конструктивизма, иначе мы вообще ничего не поймем в наших проблемах. Наш новый декан В.А. Никонов недавно рассказывал об одном интересном проекте: в Фонде Русский мир сделали аудио-видео диски с Кораном, переведенным на русский язык. И сейчас эта продукция миллионными тиражами раскупается в кавказских республиках. Таким образом не только популяризируется гуманитарная версия ислама (в отличие от радикального ислама), но и создается среда для свободного синтеза социальных и религиозных верований населения, контактов различных культурных ценностей. Это, кстати говоря, серьезная проблема для России, потому что вы все хорошо знаете, какая идет динамика исламизации в стране. Известно, что к 2030 г. в стране в значительной части населения будут преобладать неславянские этносы. Как ужиться с этим? Как быть с волной экстремистского исламизма? Вот это проблема, которая будет значительно влиять на формирование гражданской нации в стране. К слову сказать, о таких вещах или вообще о каких-то актуальных проблемах межнациональных отношений и хотелось бы услышать в докладе. Но, увы, воспоминания, как оказывается, дороже.

Второй момент, о котором хочется сказать: меня совершенно не устроило, Сергей Георгиевич, как Вы описываете советскую историю. Общий формат такой: героизация обы-

денности и возвеличивание прошлого. Но возвеличивая «советский народ» и «интернациональную дружбу» и забывая при этом про антисемитскую политику сталинизма, насильственную русификацию, идеологическое деление населения на граждан первого и второго сорта, практическое неравноправие коренных этносов, про так и не искорененное черносотенство, массовую ксенофобию, анархизм, а равно многие другие изъяны «советского народа», Вы просто напросто спрямляете и искажаете отечественную историю. Так и хочется вставить в текст что-нибудь о «союзе рабочего класса, трудового крестьянства и народной интеллигенции».

То есть картинка получается либо половинчатая, либо полностью неадекватная. И почему Вы не говорите о фактах, которые самым существенным образом сказались на состоянии национальных отношений, мне непонятно. Ведь если почитать книги (не Фадеева, а В. Гроссмана, В. Быкова, В. Распутина, которые откровенно пишут о военном и послевоенном времени), то Ваша сахарная картинка распадется и миф о «новой исторической общности — советском народе» — станет очевидным. Конечно, нельзя отрицать многие положительные проявления межнациональной дружбы в советском обществе. Но нельзя закрывать глаза и на политику властей в этом вопросе, и на архаические ментальные стереотипы населения. Иначе мы не поймем, от каких традиций нам надо освободиться и какие требования к государственной национальной политике мы должны выдвигать.

Другими словами, история страны в тексте не столько облагорожена, сколько перевернута и даже извращена. Ведь это не просто история своей страны (которая, понятно, любима автором), но и прошлое тоталитарного государства со всей его человеконенавистнической начинкой. Но, не видя этого, автор раскрашивает и менталитет населения, и его культурную историю одними пропагандистскими краска-

ми. Одним словом, знакомишься с текстом и в сознании всплывают до боли знакомые образы: мы бесстрашно строим новый мир, а нам враги постоянно гадят, нас пытаются согнуть, но мы героически преодолеваем усилия мастеров холодной войны. Может кто-то найдет здесь хоть крупицу научного видения?

Удивительно, но некоторым коллегам даже такой формат изложения показался недостаточно радикальным, не отражающим в должной мере наш «героизм» и их «происки». Вот Степан Степанович вспоминал, как его со товарищи обучали в Вашингтоне технологиям «разрушения страны» и очень возмущался этими действиями «империалистов». Правда, он забыл, что такими же «происками» занимались и наши «товарищи». Был, в частности, в Москве Институт общественных наук при ЦК КПСС, где делали все то же самое. Правда, не для Америки растили революционеров (им там делать было нечего), а для развивающихся стран. То есть формировали точно такие же «пятые колонны», но под другими лозунгами.

Но ясно ведь, что в годы холодной войны иначе и быть не могло. И сегодня государства ведут конкуренцию на этом рынке. Но если оставить всю эту специальную взаимно подрывную работу в стороне, то просто спросите себя: почему люди толпами уезжают из России и почему не хотят возвращаться на Родину? Или в этом тоже «масоны» виноваты? Почему вы боитесь признать, что это результат политики тех авторитарных режимов, в которых живет большая часть нынешнего поколения. И в СССР это было, и сегодня есть, и, видимо, будет продолжаться еще какое-то время. Удивительно, но говоря о единственно возможной и верной для России стратегии строительства гражданской нации, автор идет по пути разжигания идеологической ненависти к Западу, который и «разрушает основу цивилизационного самосознания русского» народа, и вообще такой-разэтакий плохой. Правда, Запад дал нам образцы построения гражданской нации,

но то, видимо, случайно произошло, да и вообще сталинская «дружба народов» нам куда как ближе.

Другими словами, мне представляется, что надо более адекватно смотреть на вещи и не списывать собственные грехи на американцев или либерализм, который, чувствуется, просто не дает автору и его сподвижникам покоя. Нельзя попутно не сказать и о том, что к великому сожалению в нашем семинаре ожидания теоретических дискуссий все чаще натываются на абсолютно замшелые идеологические и пропагандистские подходы. Но в таких тонах уместнее дискутировать на баррикадах, а не в научных аудиториях.

И третий момент. Я спрашивал Сергея Георгиевича: если все-таки повести речь о конкретных технологиях нациестроительства (а не только ругать власть и говорить, что у нее ума не хватает, доктрины не существует правильной и т.д.), то что же все-таки надо делать? Исключительное обращение к прошлому опыту меня не удовлетворило. На мой взгляд, для сплочения населения в единый межнациональный, полисоциальный гражданский корпус жителей должно соблюдаться три условия. Это, прежде всего, обеспечение правовой справедливости в обществе. Нужно, чтобы в обществе сохранялся единый стандарт в подходе к оценке любых, экономических или прочих, слоев населения, всех представителей бизнеса, власти, администрации. Если в стране будут неукоснительно соблюдать законы, и не важно, кто будет — представитель элиты или заезжий китаец — отвечать перед законом, вот это выстроит условия для того, чтобы население чувствовало себя защищенным и чувствовало себя в этой стране, как дома. Это будет уже совершенно другой шаг к внутренней интеграции.

Второе — это обеспечение экономической свободы. Никакая вертикаль власти не сплотит ни страну, ни население административным путем и не сделает из него единый народ. Нужна инициация и поддержка экономического творчества людей, причем на всей территории страны, во всех

регионах. Только это может убедить население в том, что государство заботится об их преуспевании. И третий момент — это, конечно, обеспечение подлинных свобод, связанных со сферой гуманитарной культуры, обращением информации. Это направление отражает тот факт, что человека нельзя принуждать к неудобным или неприемлемым для него форматам жизни. В противном случае вы его здесь больше не увидите или сделаете из него радикала. Только свободное приобщение, как справедливо говорит Ирина Станиславовна, к тем формам развития, которые может обеспечить каждое государство, может решить проблему солидаризации населения. Если мы выдержим эти решения на нынешнем историческом этапе, Россия и самосохранится, и будет центром притяжения для других народов. Поэтому для укрепления внутренней целостности народа и построения гражданской нации надо прежде всего смотреть на то, какая у нас политическая власть, какой режим правления, а не руководствоваться только прекраснотушными мотивами и воспоминаниями.

С.С. Сулакшин:

Разрешите пояснить, при чем тут реальный либерализм. Мы обсуждаем тотальную деградацию страны и ее приближение к геополитическому самоубийству. Тотальная деградация есть. Возьмите десятки параметров (а мы брали 56 статистических показателей развития) — они тотально ухудшаются. Улучшается внешнеторговый оборот — это формула колониальной страны; нарастают золотовалютные резервы — это формула монетаризма, по которой из суверенного финансового оборотного фонда выведено 3 трлн долл. И либерализм тут при чем: оплата труда в стране занижена в 2–2,5 раза, исходя из экономических балансов, которые в других странах, в том числе и тех, которые Вы ставите в пример, совершенно иные. Потому люди и уезжают, потому они и умирают. Доля государственных расходов в ВВП стра-

ны уже ниже, чем в Америке. Это означает, что государство по либеральным формулам самоустраняется от перераспределения добавленной стоимости в национальных масштабах. Оно устранилось от прогрессивной ставки подоходного налога и в результате стало асоциальным. Государство устранилось от дифференцированного налогообложения по отраслевому и территориальному принципу. Оно устранилось от контроля валютной позиции банков и контроля движения капитала; и, соответственно, десятки миллиардов долларов утекают за границу со свистом. Целый набор либеральных российских реалий означает, что модель страны — политическая, экономическая, социальная, в том числе, правовая, конституционная — не совместима с жизнеспособностью страны. Когда видишь эти не вкусовые, а количественно выраженные динамические ряды, тогда понимаешь тенденцию изменения этих показателей, а не только воспринимаешь вкусовую оценку выхолощенных обстоятельств — мол, уезжают мозги, а приезжают мозоли. Кстати, один из факторов этого явления, установленный с помощью регрессионного метода исследования истории страны XX века, заключается в том, что цивилизационная идентичность, ценностное пространство России разобраны на куски. Слово «русский» в Конституции страны употреблено один единственный раз, и то применительно к понятию «русский язык». Но параллельно введено множество государственных языков. Но параллельно введены республики-государства. Соответственно, никакого суверенитета у России нет.

И последнее. Надо видеть, насколько внешнее влияние на российскую политику, на российского Президента, на российского Премьера сейчас велико — стремление в ВТО, стремление взаимодействовать с НАТО, стремление с американцами разоружаться, хотя специалистам известно, в чью пользу это разоружение. Это все относится к вопросу «при чем тут либерализм?».

А.И. Соловьев:

У меня тоже два слова. Я просто предлагаю всем сравнить «либеральную» Россию и либеральные США. Где лучше экономика, где свободнее жизнь, куда, наконец, люди уезжают, ногами голосуя за политический выбор? Не по той ли причине и ругают американцев, что не могут с ними конкурировать по самым простым человеческим нормам общежития (как раз и устроенного по либеральным принципам)? Ну, а прикрывать все наши социальные язвы «либерализмом» (стыдливо замалчивая порочность политики конкретного правящего режима) — это все равно что оправдывать сталинский геноцид ссылками на «Критику Готской программы» К. Маркса. Так что не надо «путать божий дар с яичницей».

А что касается конституционных претензий или утверждений об «отсутствии у России суверенитета», то я бы посоветовал критикам вначале лучше разобраться с природой федеративных государств, постаравшись при этом понять и то, что в XXI в. понимать суверенитет по калькам XVII в. как-то диковато. Мы же не студенты, чтобы тут политическую азбуку повторять. Ну, а если кто-то собирается строить гражданскую нацию цепляясь за этнические корешки, то ему надо просто заявить о своих имперских убеждениях, и все станет на свои места.

И последнее, о самом главном: люди всегда видят, кто и в какой стране может обеспечить развитие человека и его детей. И делают свой выбор. Без всяких пропагандистских фонаберий. Хотите, чтобы выбирали Россию — значит надо перестраивать эту страну, делать ее удобной для жизни, а не заклинать и мистифицировать людей пошлыми идеологемами. Поносите те страны, где люди свободны и удовлетворены жизнью, а свои проблемы прикрываете мифическими «измами». Вот сегодня прошла новость, что Москва заняла первое место по числу жителей-миллиардеров. Уж как пить дать, это «масоны» да «либералы» постарались...

С.С. Сулакшин:

Александр Иванович, Вы что не понимаете, не слышали, что США основаны на мировом финансовом паразитизме, на праве долларowego эмитента? Они могут быть даже монархией, даже тоталитарным государством. В условиях доходности в 2500% от торговли зеленой бумагой все остальные факторы государственного устройства становятся вторичными. Да кроме того, американское государство, например, в инвестициях, во внешнеторговом обороте, в движении капитала, гораздо менее либерально, чем Россия. Так что Ваш пример работает против Вас.

Заключительное слово докладчика**С.Г. Кара-Мурза**

Во-первых, о либерализме, который якобы мог послужить хорошей матрицей для сборки российской нации. Хотя рассуждения на эту тему были несколько туманны, но так их можно было понять. На мой взгляд, 20 лет реформ эту гипотезу не подтверждают. Не годится ни либеральная доктрина, ни тем более неолиберальная в качестве ядра центральной мировоззренческой матрицы для сборки российской нации.

По тому, что мы наблюдаем последние 20 лет, можно сделать вывод, что именно патерналистские «автократические» режимы республики Средней Азии, Казахстана и Азербайджана гораздо лучше проходят полосу бедствия, чем «либеральные» республики, такие как Армения, Грузия, Молдова, Украина. Мы видим два разных типа поведения. Там при патерналистских режимах люди больше рождаются и меньше умирают, там намного меньше преступность, там лучше восстанавливают свои, пусть и более простые, производства.

Почему так происходит? Потому что население там не поражено в таком массовом масштабе идеей либерализма: выживи в одиночку, а слабый пусть погибнет. Хотя это, конечно, не либерализм, а неолиберальный фундаментализм наших реформаторов, которые присвоили себе самоназвание «либералы». Но «другого либерализма у меня для вас нет».

В ходе обсуждения проблема была слишком расширена. Действительно, тема слишком большая, хотелось бы обсудить 2–3 главных вопроса. Кто сейчас может стать в России субъектом нациестроительства? Как этот субъект может быть создан и мобилизован в наших реальных условиях? Но мы уклонились в обсуждение этнических проблем. Это другая тема. Конечно, она связана с нациестроительством, как и все остальные наши проблемы — экономика, армия и т.д., но все же связана опосредованно.

Теперь обратимся к главным тезисам, которые прозвучали в выступлениях.

Во-первых, многие жалуются, что государство у нас плохое, не выполняет некоторых своих функций. Правильно, плохое, но другого-то нет и не будет. Государство действует в соответствии с балансом сил, которые на него давят. Сейчас на него давят, во-первых, наши отечественные «либеральные» силы, а также преступные и коррумпированные общности, и, конечно, внешние оппоненты («партнеры»). Если со стороны «недовольных патриотов» на государство не будет давить более или менее организованная сила, то никогда не будет государство удовлетворять требования этой части. Оно будет подчиняться более сильным. Чтобы государство стало другим, надо или его заменить, или мягко загнать его в коридор, ведущий к свету. А, как я посмотрю, революции почти никто из вас не хочет...

Были сетования на то, что «враги» нам мешают. Эти жалобы мы 20 лет слышим. Но разве можно жить без «врагов»? От них невозможно освободиться, это как клопы или комары. От них надо лечиться... К тому же я полагаю, что, хотя всяческие «враги» строят против нас всякие замыслы и даже реализуют их, они вовсе не хотят стереть нас с лица Земли. Нас наверняка хотят переформатировать («улучшить» согласно их вражеским критериям). Если у них получится, это будет означать утрату культуры, массовые страдания. Но отправить Россию в какую-то черную дыру было бы глупо. Без России тот же Запад не справится с нашим населением и с множеством других проблем.

По-моему, стоит рассмотреть такой тезис: допустим, наше государство действительно является сейчас внешним управляющим в побежденной стране, которая находится в «колониальной» зависимости. Или, скажем, мы живем в партизанском крае. Это примерно одно и то же, кому как нравится. Что в этой ситуации может сделать эта власть, выполнение каких функций может обеспечить? Ведь действо-

вать в условиях полного суверенитета — совсем другое дело. Представьте, что власть в таком положении вдруг обратится к народу: «Дорогие братья и сестры! У нас есть 10 ракет, давайте их запустим, а там посмотрим, что выйдет». Как вы думаете, кто-нибудь ее поддержит? Вот Ельцин, разрушитель каких мало. А ведь и он ужом вился, чтобы не выполнить требования западных экспертов и МВФ уничтожить некоторые наши структуры. Он выпускал декреты, а потом их почему-то не выполняли, саботировали, спускали на тормозах. Примерно то же самое делает и эта власть. Наверное, она могла бы многое делать лучше, но я не уверен, что в нынешней ситуации российская власть может принципиально пойти на конфликт с Западом и начать строить у нас армию, нацию, экономику. Я бы вспомнил Александра Невского, нашего святого, который поехал в Золотую Орду, ел конину и побратался с сыном Батыея. Он кто? Предатель Родины или спаситель Отечества?

Для того чтобы процесс восстановления начался снизу, нужна система самоорганизации. Назовем это гражданским обществом или еще как-то, не в этом дело — требуется, чтобы внизу сложились зародыши таких структур и матрицы, на которых они могли бы расширенно воспроизводиться. А этих зародышей и матриц пока нет — в этом дело.

Пара небольших замечаний. Прозвучало мнение, что в России происходит резкое изменение этнического состава из-за того, что в республиках Северного Кавказа поддерживается очень высокий уровень рождаемости. Такие тезисы требуют внимательной проверки. Ведь кризис ударил и по этим республикам. В действительности население их стало *сокращаться*. Показателем является не рождаемость, а «суммарный коэффициент рождаемости». Для поддержания численности он должен быть в среднем немного более 2 (2,1 детей, рожденных женщиной за детородный возраст). Сейчас он не достигает 2 (кроме Чечни, переживающей «послевоенный синдром»).

Суммарный коэффициент рождаемости в 2009 г.

Республика Адыгея — 1,57
Республика Дагестан — 1,96
Республика Ингушетия — 1,97
Кабардино-Балкарская Республика — 1,51
Республика Калмыкия — 1,89
Карачаево-Черкесская Республика — 1,75
Республика Северная Осетия – Алания — 1,84
Чеченская Республика — 3,38

Кроме того, сдвиг в национальном составе определяется не процентами рождаемости, а *абсолютной* величиной, *массой прироста*. Если уж говорить о резком изменении состава, надо произвести расчеты. Данные о естественном приросте населения по регионам для таких расчетов имеются.

Требуют уточнения и доводы, которыми обосновывается тезис о том, что распределение средств между республиками несправедливо по отношению к русским. Говорится, например: «На восстановление Прибалтики сразу после войны пошло значительно больше средств, чем на восстановление значительно больших и полностью разоренных территорий центральной России».

Тут нужна мера. Что значит «значительно больше средств»? В IV пятилетке (1946–1950 гг.) капиталовложения в республики Прибалтики составили 3,65% от капиталовложений в РСФСР, а население Прибалтики (причем на треть русское) составляло в 1956 г. 5,16% от населения РСФСР. Тезис не подтверждается. Не годятся капиталовложения как показатель? Надо поискать другой показатель, иначе утверждение кажется сомнительным.

Вот аналогичный тезис для актуального момента: «На каждого гражданина России приходилось в 2010 г. по 5000 рублей средств из федерального бюджета в виде самых разных трансфертов. Республика Северная Осетия — 12 000; Кабардино-Балкарская Республика — 12 900; Карачаево-Черкесская

Республика — 13 600; Республика Дагестан — 14 800». Что из этого следует? Почему за показатель взяты трансферты, а не зарплата или доход или уровень потребления? Каковы главные статьи трансфертов? Вероятно, детские пособия, пособия по безработице и дотации гражданам с низкими доходами (на оплату ЖКХ и пр.). Но на Кавказе относительно больше детей, чем в других регионах, намного больше безработица. Бедность тоже распределена неравномерно. В среднем по России в 2009 г. 13,1% населения имели доходы ниже прожиточного минимума, а в Ингушетии 36%. Скажите, как надо было бы справедливо распределять трансферты, не прибегая к сегрегации по этническому признаку?

Вообще, переводить социальные проблемы в этническую плоскость — путь тупиковый. По русским как народу ударила как раз социальная политика, от сути которой наших русских патриотов тщательно отводят. Ведь за XX в. главными социальными и культурными нишами стали промышленность, высокие технологии и научная деятельность. Эти ниши реформа и уничтожила — а нас тычут в трансферты малым народам... Это вещи несоизмеримые.

Сказано о культурной политике СССР: «Это была абсолютно правильная национальная политика. Плохо было то, что из сферы этой политики полностью выпадала русская культура». Если это правда, то как же можно назвать такую политику «абсолютно правильной»? Но может ли быть такое, чтобы «из сферы этой политики *полностью* выпадала русская культура»? Это утверждение странное, даже гротескное.

Другой коллега заявляет: «Следует говорить о том, что все 70 лет жизни Советского Союза были годами гуманитарного вырождения». Не странно ли это? За короткое время страна стала не просто грамотной, но и практически вся молодежь была «подключена» к русской классической литературе. Как это вяжется с понятием «гуманитарного вырождения»? Тут есть какая-то тайна сословного сознания: раз «хамы» пошли в школы и университеты, значит проис-

ходит гуманитарное вырождение — отравили воздух, которым дышала элита.

Теперь о замечаниях А.И. Соловьева. Он сделал целый критический доклад, больше чем у самого докладчика. Отмечу 2–3 пункта.

Во-первых, он неодобрительно отозвался о том, что я — «сторонник конструктивистского подхода в отличие от примордиалистского». Это странный упрек. Неужели профессор МГУ А.И. Соловьев — «сторонник примордиалистского подхода в отличие от конструктивистского»? Невозможно в это поверить! Мыслимое ли это дело? Тут какое-то недоумение.

Далее идут фантастические рассуждения о конструктивизме и примордиализме. А.И. Соловьев утверждает: «Надо иметь в виду, что на практике, а не в теоретическом дискурсе, эти парадигмы не так уж сильно различаются».

Как это? Это все равно что сказать, будто парадигмы Птолемея и Коперника «на практике, а не в теоретическом дискурсе, не так уж сильно различаются». Да, для практики обывателя XVI в. они не так уж сильно отличались — «солнце всходит и заходит». А уже для промышленной революции XVII–XVIII вв. их отличия имели принципиальное значение, так как практика и теория соединились — фабрика тем и отличается от средневековой мануфактуры. А сейчас практика и теория нацистроительства переплелись неразрывно. Да, «этнические предприниматели», обученные в лабораториях конструктивизма, на площади кричат на языке примордиализма, поскольку толпа мыслит на этом языке. Но мы же не на площади!

Во-вторых, была оригинально поднята проблема Родины и Отечества. Александр Иванович, Вам «однажды попала книга с очень интересной идеей». Видимо, редкая удача. В этой книге говорилось, что люди «ищут, где лучше», и туда утекают. Эту их мудрость Вы уважаете, по Вашим словам, «Отечества могут быть разными. К примеру, люди, которые

уехали из страны [России] и прижились в совершенно иных культурных ареалах, считают своим Отечеством Францию... Ведь люди — не дураки, они прекрасно видят, где, кто и как живет, и тратить время на ожидание прогресса со стороны своих правительств им совсем не хочется».

Да, есть такие люди. В любом народе есть отщепенцы, изверги и даже дезертиры. Если их не успевают поймать и применить «меру социальной защиты», они отправляются туда, где хорошо питаются и пользуются плодами прогресса. Непонятно, какую Вы тут нашли идею? Тут расчет, а они «не дураки». Предлагаете всем так поступать?

И все-таки русские по большей части подавались на чужбину не ради комфорта, их гнало какое-то бедствие или гадости, которые они наделали на Родине. Если было можно, они предпочитали идти на Восток, осваивать Сибирь, двигать Россию к Тихому океану. Так они вобрали в себя множество детей разных народов, в том числе и Запада, именно благодаря своей ценностной матрице. Пространство до Тихого океана стало очеловеченным именно благодаря ценностям русских и народов, которые они собрали. Вокруг них и дальше будут собираться народы — только утихнет травма от катастрофы 90-х годов. Зря Вы так над ценностями потешаетесь.

Теперь насчет того, что я приукрасил советскую реальность. Да, я остановился на том, что было уместным для нашей темы — на советском типе межэтнического общежития. Этот проект считаю высшим достижением не только я, но и З. Бжезинский. Вы, похоже, гораздо более суровый противник СССР, чем этот несчастный польский русофоб, который прижился в США. Но мне и в голову бы не пришло похвалить СССР, чтобы Вы были к нему добрее. Неужели я выгляжу так глупо?

Вы в рамках нашей темы видите Россию и СССР так: «насилованная русификация» и «антисемитская политика сталинизма» в прошлом, «коррупция и полицейское государство» сегодня. И хотите, чтобы я принял это за научный

дискурс? Это даже для идеологии жидковато. Немцов и то бы постеснялся.

Лучше бы нам ввести мораторий на проклятья прошлому, а кое-чему у него поучиться и обсуждать актуальную и срочную проблему: исходя из каких принципов и ограничений можно и желательно создавать матрицу, на которой будет собираться российская нация. Здесь и сейчас, а не в СССР и не в прекрасной Франции.

Я выразил свое мнение по этому вопросу: считаю, что сборку нации надо вести в рамках той же модели, которая была выработана в Российской империи и доработана в СССР, с необходимыми обновлениями и дополнениями. Альтернативные «французская» или «американская» модели заведут нынешнюю Россию в тупик.

К сожалению, эта тема обсуждения не вызвала и никто своих предложений прямо не высказал.

**Тематическая программа научного семинара
«Проблемы формирования и реализации
государственной политики в современной России»
на 2011 г.**

Научный руководитель семинара: Якунин В.И., доктор политических наук.

Соруководители семинара: Соловьев А.И., доктор политических наук., Сулакшин С.С., доктор физико-математических наук, доктор политических наук.

1. Качество и успешность государственных политик и управления.
2. Об уязвимости государственных режимов «социальной справедливости» СССР, Куба, Беларусь.
3. Проблема стратегического государственного планирования и управления в современной России.
4. Государственная идеология и ценности в государственной политике и управлении (к становлению политической аксиологии).
5. От правового и социального государства к государству нравственному: проблемы мегаэволюции государства.
6. Современные методы ненасильственной десоверенизации национальной государственной политики.
7. Государственная политика в сфере национальных отношений и нациестроительства в современной России.
8. Понятие и реализация социальной справедливости в современной государственной политике.
9. Советская модель государственного управления: плюсы и минусы, и что может быть заимствовано сегодня.
10. Конфликт справедливости и эффективности в государственном управлении.

11. Качества российского бизнеса как фактор неуспешности российского государства.
12. Текущая государственная политика России и экстраполяционный прогноз ее среднесрочных результатов.
13. Теория политического спектра в государственном прогнозировании и управлении.
14. Государство и религиозные организации: модели отношений.

**Список постоянных участников научного семинара
«Проблемы формирования и реализации
государственной политики
в современной России»**

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса

Вилисов Максим Владимирович, кандидат политических наук, заместитель генерального директора Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Володенков Сергей Владимирович, кандидат политических наук, доцент факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ

Замятин Дмитрий Николаевич, доктор культурологии, кандидат географических наук, заведующий сектором гуманитарной географии Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

Исаков Владимир Борисович, доктор юридических наук, профессор, национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кара-Мурза Сергей Георгиевич, доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Клейнер Георгий Борисович, член-корреспондент РАН, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН

Клюев Николай Николаевич, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

- Колесник Ирина Юрьевна**, руководитель проектов Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования
- Лексин Владимир Николаевич**, Доктор экономических наук, руководитель научного направления Института системного анализа РАН
- Мельвиль Андрей Юрьевич**, доктор философских наук, профессор кафедры прикладной политологии Государственного университета — Высшей школы экономики
- Нигматулин Роберт Искандерович**, академик РАН, член Президиума РАН, директор Института океанологии им. П.П. Ширшова
- Пащенко Федор Федорович**, доктор технических наук, заведующий лабораторией интеллектуальных систем управления Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН
- Петрунин Юрий Юрьевич**, доктор философских наук, профессор факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- Садков Виктор Георгиевич**, доктор экономических наук, директор межрегионального научно-консалтингового предприятия «СПС»
- Семененко Ирина Станиславовна**, доктор политических наук, заведующая сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН, главный научный сотрудник
- Соловьев Александр Иванович**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
- Сулакшин Степан Степанович**, доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

- Тимофеева Лидия Николаевна**, доктор политических наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ
- Тихомиров Юрий Александрович**, доктор юридических наук, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
- Халидов Деньга Шахрудинович**, доктор политических наук, вице — президент Академии геополитических проблем, руководитель Центра исследования проблем этнополитики и ислама
- Цыганов Владимир Викторович**, доктор технических наук, главный научный сотрудник Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН
- Чернавский Дмитрий Сергеевич**, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН
- Шабров Олег Федорович**, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления РАГС при Президенте РФ
- Якобсон Лев Ильич**, доктор экономических наук, профессор, первый проректор Государственного университета — Высшей школы экономики
- Якунин Владимир Иванович**, Доктор политических наук, научный руководитель Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Научное издание

**Государственная политика
нациестроительства
в современной России**

*Материалы постоянно действующего научного семинара
«Проблемы формирования и реализации
государственной политики в современной России»*

Выпуск № 2 (40)

Ответственный за выпуск *О.А. Середкина*
Художественное оформление *С.Г. Абелина*
Корректор *Л.В. Ремова*
Компьютерная верстка *М.С. Ананко*

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Наш адрес:
107078, Россия, г. Москва,
ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5
Тел./факс: (495) 981-57-03,
981-57-04, 981-57-09
E-mail: frpc@cea.ru
www.rusrand.ru

*Сдано в набор 15.04.2011 г.
Подписано в печать 22.04.2011 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 8.
Отпечатано в ООО «Типография Парадиз»
Тираж 500 экз. Заказ 000*